

Царская дыба

Автор:

[Александр Прозоров](#)

Царская дыба

Александр Дмитриевич Прозоров

Боярская сотня #4

Они всего лишь хотели сыграть в ролевую игру. Воссоздать великую битву далекого прошлого. Но - что-то случилось. Прошлое само настигло их и стало реальностью. Вихри времени забросили людей нашего столетия в кровавую эпоху царя Ивана Грозного. В страшные годы опричнины и бесконечных войн с Ливонским орденом. Здесь надо уметь сражаться. Здесь надо учиться выживать...

Александр Прозоров

Царская дыба

Часть первая

Дикие земли

Глава 1

Обоз

Укатанная дорога, ведущая от Новгорода на Псков, петляла среди густых, ароматных сосновых боров, мимо вспаханных полей и поросших молодой весенней травой пастбищ, временами перекидывалась через ручьи и неширокие реки, пересекала болота. По состоянию тракта сразу было видно, что, в отличие от иных пограничных земель, эти ни разу не попадали под власть жадно поглядывающих на богатые русские земли немецких рыцарей и жмудинов, а потому и ямские станции стояли здесь через каждые десять-пятнадцать верст, болота были надежно загачены, упрямо лезущий на дорогу кустарник – беспощадно вырублен, а через речушки имелись прочные бревенчатые мосты.

Впрочем, неспешно ползущий по дороге обоз явно не нуждался в сменных лошадях. Шесть присыпанных сеном телег, на которых сонно развалились полтора десятка опрятно одетых в похожие рубахи и шаровары мужиков, да пятеро всадников во главе. Первым двигался невысокий, широкоплечий, кареглазый монах – во всяком случае, именно такая мысль приходила в голову при виде черной сутаны и откинутого на спину капюшона. Однако, оскаленная собачья голова, болтающаяся у одного стремени, и пышная метла, прицепленная к другому, а также короткая стрижка и длинная окладистая русая борода, лежащая на груди, доказывали, что монах сей на деле принадлежит к числу избранной первым московским царем, государем Иваном Васильевичем, тысяче служилых людей – тех, кого спустя пару веков историки станут называть опричниками. Черная сутана, метла и собачья голова свидетельствовали еще об одном: опричник оделся для торжественного случая – когда и за собакой поохотиться не лень, и доспех без опаски скинуть можно, и метла у стремени не мешает.

Следом за опричником покачивалась пара: стройная синеглазая остроносовая девушка, голову которой не по обычаю покрывал не убрус или хотя бы платок, а немецкий бархатный берет с одиноким разноцветным пером. Несмотря на теплую погоду, на плечах ее болталась шитая алым и синим картулином и подбитая горностаем зеленая душегрейка, расстегнутая на груди. Снизу проглядывал не привычный русский сарафан, а черный шелк платья, ворот которого застегивался сбоку; на груди алела умело вышитая роза. Ноги ее так же скрывала не юбка, а пышные шаровары из тонкой шерсти, уходящие в низкие яловые сапожки.

Рядом с девушкой гарцевал рыжий кудрявый боярин в нарядном сиреновом с золотом зипуне, опоясанный широким кожаным ремнем с глубоким тиснением.

Следом за парой молодых людей двигались не менее нарядно одетые пожилой боярин и еще один, немного помоложе.

Все бояре обоза ехали без оружия, что лишний раз свидетельствовало о мирной цели их путешествия: на Руси, в отличие от диких западных земель, Разбойный приказ строго следил за безопасностью торных дорог, и от станишников их давно очистил. Потому и не имели русские люди привычки постоянно таскать у себя на боку сабли или шестоперы. Разве только кистень на всякий случай за пазухой припасут, да засапожный нож рядом с ложкой сунут.

На первый взгляд, создавалось полное впечатление, что обоз сопровождает молодых, переезжающих в новое поместье. И одеяния про это намекали, и взгляды, которыми обменивалась едущая впереди парочка. Вот только смерды, развалившиеся на телегах, казались неестественно широкоплечими и рослыми, даже в сравнении с опричником – а государь, как известно, хлюпиков в избранную тысячу не звал.

В двух сотнях саженой за обозом ехали еще трое всадников: боярин в потрепанном налатнике с несколькими вошвами и двое смердов в тулупах. Эти тоже были без оружия – во всяком случае, на виду. И что странно – не имелось у всадников ни заводных коней, ни чересседельных сумок. Да и не торопились они никуда, хотя верховому двигаться куда как быстрее по силам.

С каждой верстой дорога все реже огибала болота и овальные лесные озерца, под копытами все больше струился песок, вместо травы по земле стелился сухой синеватый мох, а вокруг потрескивали, качаясь от ветра, высоченные сосны. Наконец, перевалив очередной холм, путники обнаружили впереди широкие поля, перемежающиеся отдыхающими под «паром» землями, сенокосными лугами и пастбищами.

– Почти добрались, – подал голос пожилой боярин. – До темна на месте будем.

Опричник сладко зевнул, оглянулся, но вслух ничего не сказал.

Дорога свернула в густую березовую рощу – такие часто поднимаются на местах бывших пожарищ. Верховые и один из возничих торопливо перекрестились, а вот смерды на повозках не отреагировали никак.

Обоз миновал дружелюбно шелестящий березняк, снова оказался среди возделанных полей – но теперь впереди стали видны могучие стены древнего Пскова, остроконечные шатры башен, высоко взметнувшиеся кресты православных храмов. Чуть отступя от стен, выстроилось множество собравшихся в кучки сараев, над крышами некоторых из них тянулись к небу сизые дымки.

Топили явно не ради обогрева: теплое майское солнце уже успело развеять память о недавних морозах. Люди занимались делом: ковали оружие, лили колосники и решетки, мяли кожи, вываривали грязную одежду. Псков трудился и богател. Как ни старались многочисленные орденские и литовские шайки едва не каждый год одолеть его стены да разорить окрестные земли – но самый могучий после Новгорода город Европы громил одного захватчика за другим, продавал еще недавно хваставшихся силой врагов в закуп, а то и вовсе туркам или татарам, перековывал их кирасы и мечи в кольчуги и гвозди, да продолжал как ни в чем не бывало заниматься своими делами. И так успешно, что все купцы, жившие на запад от Чудского озера, всеми правдами и неправдами, сражаясь с витальерами и раздавая мзду чиновникам, рвались к пристаням Нарвы – торговать «с Россией», получить доступ к идущим со Пскова в нарождающуюся Европу товарам.

Тут выяснилась еще одна странность бредущего со стороны Новгорода обоза: он не стал въезжать в гостеприимно распахнутые ворота, а повернул на узкую колею, ведущую в сторону рыбацкой деревушки Ершово.

Видано ли дело: оказаться вблизи богатого торгового города – и не заехать! Пусть не поторговать – просто новости узнать, товары посмотреть, о ценах справиться, а то и приглядеть что, для хозяйства нужное. Но обоз невозмутимо затрясся на жестких валунах дороги, на которую никто не собирался тратить тяжелые рубли ямского тягла, а смерды и бояре лишь с любопытством скользнули взглядами по зубцам высоких стен.

Чудо безразличия повторилось спустя четверть часа – появившийся на дороге в сопровождении двух смердов боярин перекрестился на церковные купола и... повернул в сторону Ершово.

Впрочем, скучающие в надвратных башнях стрельцы мало интересовались странностями в поведении проезжающих мимо города купцов и крестьян. Оружием не бренчат, не богохульничают, заторов не устраивают – и ладно. Их

дело ворога вовремя разглядеть, ворота захлопнуть, внутрь не пропустить. Все остальное – мелочи.

Не возникло никаких подозрений и у купца Анастаса Полинского, выезжающего из русского города с двенадцатью бочонками первосортного пушечного сала, и у одинокого монаха, бродящего то по ливонским, то по русским пределам, без особого успеха неся слово Божие. Ну, покатыл еще один обоз в глухие лесные дебри, ну и что? Чай, не к Юрьеву или Колываню направляется!

Потому-то ни один доносчик и не сообщил о новых людях на западном пределе Руси ни псковскому наместнику Турунтаю, поставленному три года назад взамен проворовавшегося князя Шуйского, ни великому магистру Готарду Кетлеру, который сменил постаревшего барона фон Фурстенберга, ни полновластному властителю западного берега Чудского озера – дерптскому епископу.

А обоз задолго до темноты добрался до деревушки в семь домов и остановился у рубленой церкви. К новоприбывшим уже торопился староста – одетый в рубаху и темные шаровары ширококостный старик с большими заскорузлыми ладонями. Остановившись за пять шагов до опричника, он приложил руку к груди и низко поклонился:

– Здрав будь, Семен Прокофьевич.

Появление в здешних местах государева человека Семена Прокофьевича Зализы старосту особо не удивило: поставленный Иваном Васильевичем охранять рубежи и порядок обширной, но малонаселенной Северной Пустоши, служивый человек нередко появлялся в самых неожиданных местах, на самых заброшенных тропах, следя за тем, чтобы не шалили на них лихие людишки, чтобы не появлялись лазутчики, нехристи-проповедники, али иные незваные гости. Правда, обычно Зализа ездил без обозов, верховым и оружным, но коли вдруг решил обойтись без сабли – так оно и спокойнее. Стало быть, после зимнего разгрома Ливонского Ордена опасности порубежник более не чувствует. А оно – и простому рыбаку спокойнее.

– И ты здравствуй, Агарий, – спустился с коня опричник. – Приютишь гостей на ночь?

– С радостью, Семен Прокофьевич, – выпрямившийся старик не подобострастничал, не суетился, явно ощущая за собой правду и гнева государева человека ничуть не боясь. – Да только свечерело уж, улеглись соседи. Разве к себе на двор могу всех впустить, а вас, Семен Прокофьевич, и бояр с боярыней в горнице положить.

– А и на двор пойдем, – легко согласился гость. – Ты уж харч какой нам справь, а в уплату мы тебе телеги свои оставим. Чай в хозяйстве пригодятся?

– Отчего не пригодятся? Сгодятся в хозяйстве, – не стал спорить староста. Такой подход государева человека его вполне устраивал: Зализа не требовал взять его со свитой на постой, старосте не придется раскладывать нежданную тяжесть на односельчан, выслушивая их недовольство. Раз гости расплатятся, стало быть можно и самому погреб маленько распотрошить, не в убыток пойдет. – Женка аккурат пироги днем справила, с грибами и убоиной. Вы к крайнему дому правьте, сейчас ворота отворю.

Зализа тоже ничего не терял: телеги эти ему все равно более не понадобятся. Староста, получив подарок, хвастаться лишний раз не станет, а потому и молва о появлении опричника со служилыми людьми на западном порубежье далеко не уйдет.

– Вода теплая в кадушке стоит, сено там же, на дворе. Распрягайте, а снесь я сейчас принесу.

В избу никто из путников не пошел. Хотя высокие мужики в похожих рубахах и могли считаться смердами Зализы, поскольку жили на его земле; а спешившиеся бояре были помещиками в седьмом колене, однако и те и другие успели дважды вместе сходить в поход, вместе проливали кровь на узких тропах близ Ижоры и на льду Ладожского озера. Обитатели рюриковской Руси не знали рабства ни в жестоком европейском обличи крепостничества, ни в образе откровенной турецкой работорговли, а потому не видели непреодолимой пропасти между владельцем земли и пашущим ее смердом. И коли мужчина вышел в поход с оружием в руках, коли готов встать животом на защиту родной земли – считался он уже не крепостным или барином, а человеком служилым – равным среди равных. Потому никто и не счел для себя возможным уйти в натоленную избу в то время, как сотоварищи его оставались на холодном дворе – даже Зализа, поставленный на рубежи Северной пустоши самим государем, а потому по праву считавший себя воеводой их небольшого отряда.

Особняком держался только Прослав, попавший в закуп к боярину Батову всего полгода назад, а потому еще не полной мере осознавший себя полноценным русским человеком. Он старательно чистил шкуру верной Храпки, сумевшей вместе с ним благополучно пережить зимний поход, и время от времени недоверчиво трогал торчащий из-за пояса клевец, выданный ему барином.

Настоящий клевец! Всего полгода назад его, раба дерптского епископа, за подобную наглость – владение оружием – любой монастырский стражник или заезжий рыцарь без всяких проволочек повесил бы на ближайшем дереве! А здесь – выдали и за почесть не сочли, хотя в поход взяли не воином, а обычным проводником.

Прослав даже подумывал: а не встать ли ему в общие ряды, когда бояре начнут рубиться с епископскими воинами? Ведь топором работать ему приходилось с молодых ногтей, рубить он умел хорошо, а чекан оказался даже легче обычного крестьянского инструмента... Но перед глазами тут же вставал кровавый лед, скорченные тела затоптанных кнехтов, разрубленные головы, из которых медленно сочился мозг, вывороченные ноги – и он, испуганно крестясь, мысленно шарахался от дурного желания. Нет, воевать хорошо в обозе, можно проводником сходить – но вставать перед конной лавой...

– Господи, помышляю день судный и сокрытый, плачу о содеянных мною грехах и вопию: Ты, Всеблагий Господи Иисусе в час исхода моего не остави меня, но помилуй мя, – мелко крестясь, прочитал Прослав молитву от внезапной смерти и принялся торопливо разносить лошадям свежее сено.

Из избы вышла дородная женщина в сером домашнем костыче, с большим подносом в руках, следом, тоже с подносом, шла девица лет пятнадцати. Бояре громко захмыкали. Девица с готовностью зарделась. Почти сразу следом появились двое пареньков лет десяти с медными блюдами и сам староста с деревянной братиной.

Разумеется, испеченных даже на большую семью пряженцев и расстегаев трем десяткам служилых людей хватить не могло, и рыбак Агарий добавил к угощению копченой рыбы и холодного вареного мяса, а вместо привычного в постные дни сыта или кваса принес сладковатый хмельной мед.

– Вот, чем Бог послал, гости дорогие, – поклонился хозяин, и подтолкнул девицу к избе, подальше от веселых взглядов богато одетых бояр.

Впрочем, путникам и без хозяйской дочки было на кого посмотреть. Все они с интересом следили за поведением ехавшей за опричником парочки: рыжего, русобородого боярина с бесцветными глазами, и худенькой, простоволосой, коротко стриженной девицы, срамно одетой то ли в мужское, то ли в татарское платье.

Молодые люди, ощущая всеобщее внимание, чувствовали себя неудобно, а потому, держась друг друга, прятали глаза. Ночевать на сеновал они забрались тоже вместе, однако легли поодаль, старательно не встречаясь взглядами.

Смерды же, успевшие за день хорошо отлежать бока, укладываться не торопились, освобождая телеги, проверяя целостность спрятанных под сеном чересседельных сумок, обматывая ремнями продолговатые свертки, прилаживая ремни темно-зеленых брезентовых рамных рюкзаков. Угомонились они только глубоко за полночь, благо весенний день долог и позволяет успеть очень многое – поднялись с первыми утренними лучами, и тут же принялись поднимать заготовленную поклажу на спины едва успевших попить воды и пожевать овса лошадей.

Появилась хозяйка дома, внесла большой глиняный горшок, полный пахнущей грибами гречневой каши. Служилые люди, доставая из-за пояса или из-за сапожного голенища завернутые в чистые тряпицы ложки, потянулись к угощению. Походный закон суров: зазевался – ходи голодным.

Впрочем, как гласит древняя присказка: на Руси от голода не умирают. Некоторые путники с утра просто есть не любили, и лишь попили на дорогу теплой водицы с разведенным в ней медом, некоторые и вовсе предпочли ледяную колодезную водицу. День долгий, будет еще и обед, и ужин. Не пропадут.

К тому времени, когда солнце развеяло утренний туман, и деревенские рыбаки потянулись к своим лодкам, путники, ведя лошадей в поводу, вышли из ворот двора и двинулись дальше, по ведущей вдоль берега узкой тропе.

Староста проводил их до околицы, остановился:

– Счастливого пути, Семен Прокофьевич. Вот, возьми в дорогу рыбки копченой, – староста протянул два больших берестяных бурака, источающих густой запах дыма.

– Прослав! – окликнул опричник батовского смерда. – Прими.

Он подождал, пока мужичонка в потрепанном полушубке заберет туеса, после чего благодарно кивнул:

– Спасибо, Агарий. Оставленные у тебя на дворе телеги можешь забрать, мы назад другой дорогой пойдём.

– Благодарствую, Семен Прокофьевич, – поклонился староста. – Будете рядом, заезжайте.

Опричник не ответил, спустился по тропке к густому ивовому подлеску и ступил в лесной полумрак.

Дороги вдоль берега богатого Чудского озера отродясь не имелось. Да и зачем она там, где от одного поселка к другому всегда можно летом проплыть на лодке, а зимой проехать по льду? Это еще от Ершово к близкому Пскову рыбаки накатали колею, по которой, пусть с трудом, проходила одна телега или могли проехать бок о бок два всадника. А те селения, что стояли от города не в десятке, а в нескольких десятках верст, посуху ни на торжище, ни в церковь и в мыслях не думали добираться. Потому-то у семей многих имелось по две-три лодки, но ни единой телеги.

И тем не менее, селений вдоль рыбного озера хватало, и время от времени кто-то по нужде, по лени или по глупости пытался пройти от одной деревни до другой пешком. Десятки ног постепенно натоптали извивающуюся мимо бездонных топей или пахнувших кислятиной, подернутых изумрудным слоем ряски вязей тропу, проходимую для конного или пешего, но уже недоступную для повозки или волокуши.

Среди путников теперь не осталось верхом ни единого человека: на спинах вялых меринов и понуривших головы лошадей покачивались объемные сумки и тюки, да и у людей рюкзаки легкими не казались. Потому болтать на ходу

никого не тянуло – шли молча, тяжело вдавливая ноги в сырую землю, временами выжидательно поглядывая на небо.

Тропа то выводила путников к самой воде, позволяя полюбоваться безграничным озерным простором, то отворачивала в глубину леса, огибая прибрежные болота, то насквозь прорезала шелестящие камышовые заросли. Наконец берег озера повернул к западу, и путники окончательно углубились в светлый редкий березняк.

После полудня опричник дал отряду возможность отдохнуть. Лошадям отпустили подпруги, давая возможность пощипать хрусткой тонколистой осоки, людям Прослав роздал копченых лещей. Получилось по полрыбины на человека – обед, может, и не сытный, но быстрый и вкусный.

Подкрепившись, двинулись дальше. Теперь тропа шла практически по прямой, лишь изредка огибая пятна неглубоких заиленных луж, редкие, но густые ольховники, перегибаясь через полусгнившие древесные стволы. Временами под ногами начинало чавкать, но высоко вода не поднималась, и дело ограничивалось намокшими сапогами.

Когда люди уже начали подозревать, что весь окружающий мир состоит только из осоки, берез и хлюпающей под ними жижи, земля вдруг пошла вверх, между деревьями появился просвет, и вскоре они вышли к далеко вытянувшемуся в длину свежевспаханному полю, по краям которого стояли два дома.

– Боровиково... – с облегчением передернул плечами Зализа. – Стало быть, не заблудились.

Задерживаться в селении путники не стали: пока день не кончился, нужно пройти как можно дальше. Хозяева, не доверяя незванным гостям, из изб даже не выглянули – так и разминулись, не увидев друг друга, случайные прохожие с отвыкшими в глуши от общения хозяевами лесной деревеньки.

– Теперь недалеко! – Пока отряд двигался вдоль поля, опричник успел обогнать длинную колонну и теперь шел во главе. – К озеру выберемся, сразу на ночлег и встанем. Тут комары сожрут.

Ему никто не ответил, хотя люди все-таки слегка взбодрились, предвкушая обещанный отдых. Солнце уже заметно опустилось к горизонту, и до привала в любом случае оставалось совсем немного времени.

Зализа поглядывал на небо тревожно. Он знал, что если они до темноты не успеют дойти до Желчи, то ночевать придется на болоте, что сулит больше мучений, чем отдыха. От Ершово до речушки с желтоватой болотной водой немногим больше трех десятков верст. Расстояние для пешца большое, но одолимое. Тем паче, что люди все отдохнувшие, ни в дальнем переходе, ни на работах, ни в бою вчера незанятые. Однако солнце опускалось все ниже, в лесу становилось прохладнее, над травой начал виться вечерний туман, в воздухе загудели оголодавшие комары.

– Не пора ли останавливаться, Семен Прокофьевич? – нагнал его пожилой боярин. – Место нужно отыскать для ночлега, пока не стемнело.

Евдоким Батов, собравшийся в поход вместе с осевшими в Кауште иноземцами и государевым человеком, был опытным воином, ходил в походы и на Литву, и на Казань, прикрывал южные рубежи от турецко-татарских набегов, и к его мнению стоило прислушаться. И все же... И все же, по лесным тропам вокруг Чудского озера ходить ему не приходилось, и мест здешних он совершенно не знал.

– Еще немного, боярин Евдоким, – покачал головой Зализа. – Место впереди должно быть хорошее.

Тропа уперлась в реку в тот час, когда опричник уже отчаялся ее увидеть и начинал опасаться, что заблудился в однообразном березняке. Бурая лента воды ничем не выделялась на фоне остального леса – ни кустов по берегам, ни склонившихся над руслом плакучих ив. Просто зеленый травяной слой немного понижался и сменялся темной торфяной водой. Перепутай они направление – могли бы неделю идти вдоль русла на расстоянии полусотни шагов, и не заметить.

– Брод где-то здесь, – опричник торопливо разделся. Скинув рясу и порты, скатал их в плотный рулон, положил на голову и вошел в воду. – Ух, холодная!

Глубина сразу у берега оказалась выше колен, но дальше увеличивалась не торопясь, на самой стремнине добравшись только до пояса.

– Нормально, – удовлетворенно кивнул опричник, выбравшись на другую сторону, и поворачиваясь к остальным участникам похода. – Он самый. Лошадям едва по брюхо будет. Переводите.

Мужчины начали раздеваться, совершенно забыв, что среди них присутствует девушка. Та, громко фыркнув, демонстративно отвернулась.

– Может, тебя верхом перевезти, боярыня Юлия? – поинтересовался русобородый витязь, ехавший с ней всю дорогу бок о бок.

– Ты, Варлам, лучше посмотри на том берегу, чтобы любопытный кто не остался, – покачала головой девушка. – Да сам не оглядывайся!

Впрочем, все путешественники слишком устали за долгий переход, чтобы заниматься мелким шкодничеством и, перебравшись через реку, мужчины оделись, подняли рюкзаки обратно на плечи и двинулись дальше. Вскоре березняк заметно погустел, среди расчерченных белыми полосками стволов появились кряжистые клены, высокие тополя, островки ольхи. Осока под ногами сменилась густыми голубыми полями цветущих колокольчиков, перемежающихся ослепительно-белыми ландышами. Тропа пошла резко вверх и в быстро сгущающихся сумерках впереди раскинулось бескрайнее Чудское озеро.

В лицо ударил свежий ветерок, снося комариные стаи обратно в заболоченный лесок, и люди, не дожидаясь команды, стали скидывать рюкзаки, снимать поклажу с лошадей, ставить палатки. К тому времени, когда к лагерю вышли Юля и боярин Варлам, вдоль невысокого обрыва вытянулось рядом восемь синих, оранжевых и красных капроновых куполов вперемешку с расстеленными на земле медвежьими, волчьими и бараньими шкурами.

– Ты не замерзла, боярыня? – спросил Варлам.

– В общем-то, еще не отогрелась, – пожала плечами та. – А что?

– У меня шкура медвежья есть. Хочешь, можешь в нее завернуться.

Девушки покосилась на него с некоторым ехидством.

– Да нет, боярыня, – покачал головой Варлам. – Это не в откуп, это просто, чтобы согреться.

Нынешней зимой, во время похода встреч ливонцам местные бояре попытались девушку высмеять и заставить выполнять при рати женскую работу. Однако она подбила самого нахального из воинов на спор – кто лучше стреляет – и наголову разгромила. Так и получилось, что женскую работу, по закладу, должен был теперь выполнять проигравшийся сын боярина Батова Варлам. Смущенный боярин, боясь позора и насмешек, предложил назначить откуп, и Юля его простила – но вот откуп так до сих пор и не назначила. Никак ничего придумать не могла. А потому каждый вопрос боярина со словом «хочешь?» носил явно двусмысленный характер.

– А сам-то как?

– У меня зипун теплый...

– Да ладно, – пожала плечами девушка. – Можем ведь и вместе лечь, теплее будет. Ты ведь со срамными намерениями лезть не станешь?

– Упаси Господь, боярыня Юлия, – испуганно перекрестился сын боярина Батова. – И в мыслях не имел!

Девушка вздохнула. Это точно, срамных мыслей в ее отношении Варлам не имел. Может, как ехидно предсказывали Зинка с Ингой, девок в своих деревнях он и вправду брюхатил, но в ее отношении вел себя в высшей степени уважительно. Даже когда они почти неделю только вдвоем путешествовали через зимний лес. И когда она обещала, что готова на любую благодарность после подаренного им перстня. И когда намекала, что ночует одна в целой избе. Пожалуй, единственным способом определить, насколько страстен бывает боярин середины шестнадцатого века, оставалось согласиться на его предложение и выйти за Варлама замуж. Однако, боярин желал обзавестись не меньше чем пятью сыновьями, и такая перспектива воспитанную в совершенно других традициях Юлю изрядно пугала.

– Если у тебя плохих мыслей нет, то заночуем вместе, – на губах Юли заиграла коварная ухмылка. – Только знаешь, у меня после перехода через реку одежда

подмокла немного, так я без нее лягу, а она пусть подсохнет, хорошо?

– Конечно, – кивнул Варлам, но голос его предательски дрогнул.

Девушка отвернулась от него и мстительно улыбнулась. Пусть помучается!

Увы, она даже не подозревала, что эта коварная шалость на всю ночь оставит без сна обоих. Потому как, зарывшись обнаженным телом в густой мех, она неожиданно ощутит на своем бедре руку боярина и замрет, не решаясь отбросить ее, но и не давая повода для больших вольностей, в ожидании: решится ли Варлам свершить рискованный поступок. Однако и сын Евдокима Батова, ощутив под ладонью ничем не прикрытую горячую кожу лучницы, так же замрет, боясь неожиданным движением обратить на себя внимание девушки и лишиться даже права даже на это нечаянное прикосновение. И всю ночь они проведут, тяжело дыша, так ни разу и не шелохнувшись и не сомкнув глаз.

* * *

Светло-желтый «Икарус» шестнадцатого маршрута остановился возле пятнадцатого дома по Пулковской улице и приветливо отворил двери. Костя Росин, подпернув куяк, вышел на улицу, обогнул ларек на остановке и вошел в магазин, утонувший в глубине между двумя девятиэтажками. Поделенный на секции, магазин торговал сразу всем: косметикой, хозтоварами, булкой, хлебом, колбасой, пивом и лимонадом. Костя хотел купить сарделек. Желательно свиных, не вызывающих у детей аллергии. Он прошелся по секциям, нашел колбасную, вошел туда.

Мясными продуктами торговал какой-то азербайджанец. На предложение продать свиные сосиски он неожиданно взъярился и громко заорал:

– Руссише швайн! Дуи ист козел безмозглый!

Услышав полунемецкую речь, Росин слегка опешил и попятился к дверям.

– Ду ист полный думкопф и аномальное явление третьего порядка! – продолжал изголяться айзер. – Магомет запрещал иит порк!

– Слушай ты, козел безрогий, – не выдержал Костя, отступая, и обнажая меч. – Ты не в своих диких пещерах живешь! Приехал в варяжские земли, значит и жри, что приличные люди предлагают.

– Дизес арбайт шиссен! – перепрыгнул кавказец прилавок, сжимая в одной руке кривую саблю, а в другой небольшой круглый меч. – Ты есть раб! Ты будешь кушать кокаин, работать и лизать мой зад, а я брюхатить твой жена и трахать твой дочь! А ты есть нарушай международный право!

У айзера неожиданно обнаружили большие грузинские усы и голубая каска на голове. Однако амуниция ООН Росина отнюдь не впечатлила. Он принял сабельный удар на щит, выбросил вперед меч, который наткнулся на маленькую алюминиевую тарелку, саданул окантовкой щита ооновца по ребрам, ударил мечом второй раз, теперь уже навершием в выпирающую небритую челюсть, наступил ногой на живот:

– Ну, тварь белокурая, продашь мне сардельки за достойный выкуп?

– Это не есть гуманитарная акция, – отозвались снизу. – Вы есть нарушитель политкор-ректность.

В этот миг кто-то со всей силы саданул Костика в спину, да так, что острие копья вылезло из груди на полметра вперед.

– Рус-сишь, рус-сишь, – успокаивающе закричали продавцы сбежавшимся прохожим, Росин завалился на бок и... проснулся.

Перед самыми глазами тихонько гудел туго натянутый капрон желтой одноместной палатки, и высоко задирался край волчьего тулупа. Снаружи сонно всхрапывал конь, слышался мерный плеск. И Костя, уже в который раз засомневался – а проснулся ли он? Что, если сейчас он выйдет, и увидит стоящие на краю игрового полигона «нивы» и «жигули», редкие столбы линии электропередач, пронизывающие всю Россию вдоль и поперек, если запищит призывно оставленный в рюкзаке сотовый телефон, и его предупредят, что в понедельник можно прийти на работу на полтора часа позже?

Росин немного выждал, не решаясь расстегнуть молнию палатки: может, это и вправду был всего лишь дурной сон? Вся эта странная история про то, как все

они, больше двухсот человек, всем игровым полигоном из четырех реконструкторских клубов, не считая индейцев варау, провалились в прошлое, прямым ходом в тысяча пятьсот пятьдесят второй год, ныне уже сменившийся тысяча пятьсот пятьдесят третьим. Ведь не может же такого случиться наяву? Ну никак не может!

Костя помнил, что из двухсот провалившихся рядом с ним ныне осталось всего четыре десятка человек – кто-то подался в Новгород заниматься торговлей, кто-то в современную прибалтику, надеясь вступить в настоящий Ливонский Орден, индейцы вообще собрались смыться к побратимам в Америку... Но ведь все это происходило во сне?

Поколебавшись пару минут, он все-таки решился и потянул замок молнии снизу вверх, открывая полог. И увидел начинающийся от самых ног озерный простор, накатывающиеся на берег серые предрассветные волны, длинную песчаную косу, украшенную редкими камышовыми стеблями. У Росина еще оставалась надежда на то, что все это окажется обычным игровым полигоном, на котором они вчера излишне поддали, из-за чего ночью и налезла в голову всякая чушь, но уже спустя минуту он разглядел успевшего облачиться в юшман опричника и тяжело вздохнул: если что-то и являлось странным сном, так это далекий двадцатый век.

– Не вздыхай, боярин Константин, вызволим мы вашу сладкоголосую девицу, – расслышал его Зализа. – Теперь недолго осталось.

– Да я и не сомневаюсь, – покачал головой Росин, окончательно приходя в себя. Теперь он с полной ясностью вспомнил все: и то, что дерптский епископ похитил племянницу Игоря Картышева, выпускницу Гнесинки, попавшую к ним на фестиваль совершенно случайно, но провалившуюся в прошлое вместе со всеми, и то, что боярин Батов вызвался им помочь вместе с шестью сыновьями, и то, что большая часть клуба осталась в Кауште следить за работой поставленных там двух мануфактур. И то, что к этому походу они готовились больше двух месяцев и закончиться неудачей он никак не должен. – Так что, поднимаемся, Семен Прокофьевич?

– Можно не спешить, – небрежно отмахнулся опричник. – Здесь, от Желчи до Ветвенника, возвышенность. Места сухие, хлебные, несколько деревень стоит. Иностранцы забредают редко, потому как топи кругом. Лазутчика ливонского здесь отродясь не случалось, упреждать епископа некому. А коли рано в

деревню зайдём, нас и не увидит никто. Мужики по тоням расплывутся, снасти проверять. Потребно ближе к полудню дойти, когда с озера вернутся.

– К полудню, так к полудню, – согласился Росин и двинулся к березняку. Сделав все желаемое, набрал охапку хвороста, вернулся к стоянке вывалил дрова на песчаную проплешину, достал зажигалку.

Газ во французской полупрозрачной безделушке давно закончился, но кремень еще не истерся и давал жирный пучок искр. Росин подсунул в зажигалку пересушенный мох из поясного карманчика, чиркнул, старательно раздул затлевший огонек, подсовывая тончайшую бересту, а когда та расцвела тонким огоньком – запалил от него бересту потолще, которую и подсунул под валежник. Тот радостно затрещал. Оставив костер разгораться, Костя отправился за новой порцией дров, а когда вернулся – над пламенем уже висел котелок с чистой озерной водой.

Лагерь постепенно оживал. Ребята из клуба «Черный шатун» выбирались из палаток, бояре откидывали шкуры и сладко потягивались, поднимались. Из чересседельных сумок извлекались кожаные поддоспешники, кольчуги, зеркала, панцири. На пояса вешались сабли, ножи, кистени, шестоперы. Очень скоро лагерь, поначалу напоминавший туристский, заблестел сталью, зашелестел железом и стал походить на то, чем и являлся на самом деле – воинский стан.

От котла вкусно пахло мясом – но Росин уже знал, что разваривается там завяленное в дорогу мясо, и сколько его ни готовь, по вкусу оно все равно напоминает стоптанную подошву. Кроме запаха к густой каше – никакого толка. Ему вдруг со страшной силой захотелось дешевых макарон, простой вареной колбасы и сигареты «Прима» – но ни того, ни другого, ни третьего в нынешнем шестнадцатом веке еще не существовало. Да чего там колбаса или макароны – даже картошки из Америки никто не догадался привезти! Окромья мяса и пирогов – никакой снеди приличной нет!

Костя поймал себя на том, что даже мысленно вместо слова «еда» употребил «снедь» и покачал головой – вконец обжился! Вот смешно будет, если временной катаклизм всех их обратно в двадцатый век выбросит. Ведь не приживется никто в родном мире, одичали...

Пожалуй, вовремя они с женой развелись. Поначалу казалось, что взбрыкнула она по-глупому из-за его поездок на игрища и фестивали, спугалась, когда увидела, как ребенок меч отцовский начал по квартире за рукоять таскать. Наверное, отошла бы вскоре, назад вернулась... Теперь получалось – вовремя ушла. Слез и истерики не будет из-за его исчезновения, сынишка привык, что папа постоянно где-то далеко. Вовремя... Тридцать лет ему, а пропал – вроде и связей с миром никаких не оборвалось. Как был всегда мысленно в прошлом, так в нем и остался.

Костя отошел к сумке, помеченной угольной полоской, извлек свой куяк, пластины которого были вырублены, страшно сказать – из донышек тефлоновых сковородок, полсотни которых было выброшено в мусорный контейнер возле Звездного рынка из-за облезшего покрытия. А что – прочные и легкие, ничем не хуже стальных! И в бою себя неплохо показали...

Поверх доспеха перекинул через плечо перевязь с мечом. Смастерил он ее на прошлой неделе не ради меча, а ради сорока кармашков, нашитых на лицевой стороне. В кармашки были вложены патроны – бумажные свертки с порохом и жребием. Если стрельцы, несущие службу в Гдове, Копорье или Яме-городе больше пяти штук в берендейке не носили, то «шатуны», многие из которых прошли Чечню, а то и Афган, даже полсотни патронов считали слишком малым числом, норовя нашить карманы куда только можно.

Кроме того, на пояс Костя повесил длинный узкий нож и легкий, грамм на сто, на кожаном ремешке, кистень – на всякий случай, если в бою меча лишится. Щитов «шатуны» более не носили – при использовании мушкетенов, добытых для них опричником, щиты стали скорее помехой, нежели защитой.

Вооружившись, Росин стал убирать палатку. Поступил он так не по глупости, а специально, чтобы успеть попривыкнуть к тяжести на плечах, жить и действовать при доспехе с той же легкостью, что и без него. Дней пять у них еще есть, пообвыкнет.

К тому времени, когда лагерь свернулся, овсяная каша с салом и вяленным мясом уже дошла до нужной кондиции. Воины позавтракали и двинулись вдоль берега дальше.

От места их привала тропа приобрела уже весьма нахоженный вид, и заблудиться на ней было невозможно. Она повернула направо, обогнула густо заросший камышом залив, спустилась к воде, к узкому песчаному пляжу, потом поднялась наверх, и перед путниками открылся вид на деревню из трех домов. Жилье стояло между свежевспаханнами полями и широкой прибрежной полосой, на которой лежали четыре полувытащенных на берег крутобоких баркаса, и еще два, отдыхающие поодаль кверху килем.

– Константин Алексеевич, – оглянулся на Росина опричник. – Погодь маленько. И ратников своих одержи.

Вперед двинулись, ведя в поводу коней, только бояре – внушительный Евдоким Батов и его сыновья.

– Чего это он? – не понял Игорь Картышев, скидывая на землю рюкзак. – Засады боится?

– Опрятный ты слишком, – это высказался остановившийся рядом худощавый Сережа Малохин и сел рядом с тропой, откинувшись на своего «Ермака». – Давно в зеркало смотрелся?

– Неделю назад. А что?

– А то, что ты, не в обиду будет сказано, ведешь себя, как истинный офицер. Всегда брит до синева, вместо портов нормальных штаны плотные состряпал. Смотреть страшно.

– Ну, и чем я тебе не нравлюсь? – Игорь опустил на него тяжелый взгляд.

– Мне-то ты как раз нравишься, – улыбнулся Малохин. – Да только где ты здесь хоть одного боярина без бороды видел? А? А у нас почти все бредутся, по старой памяти. К тому же, русские все шаровары носят, али порты свободные. А западные рыцари – чулки. Потому, как в широких штанах в их узенькие железные башмаки, что к доспеху положены, просто-напросто не влезть! Теперь понял? – Сергей сладко потянулся. – Вид у тебя, как у ливонца. Вот Зализа и убоился, что издалека за разбойников примут. А как он мужикам представится, так и нам можно будет идти...

Бояре неспешно, давая обитателям деревни время приглядеться и определиться с действиями, приблизились к крайнему дому, ослабили лошадям подпруги, пустили их щипать густо разросшуюся у сложенных прямо на жерди недавно окоренных, а потому еще почти белых бревен.

Вскоре из избы вышел мужичок с совершенно седой бородой, одетый поблескивающие на свету кожаные штаны и серую рубаху, почтительно поклонился. Чуть опосля к гостям подтянулись несколько рослых парней от соседних домов.

– Пошли, – решил Росин. – Система опознавания сработала.

К тому времени, когда «шатуны» добрались до деревни, разговор уже состоялся, и мужчины обсуждали последние детали:

– Так значит, Семен Прокофьевич, – решительно тряхнул головой первый из вышедших мужиков. – Мы к Ветвеннику послезавтра к полудню подойдем, да в Рыжкино вестника зашлем?

– Это вы правильно, – поддакнул веснушчатый паренек лет пятнадцати. – Неча им на наши земли соваться. Надоть и заимообразно сходить.

– Сходим, – кивнул Зализа. – Прослав, зятяни подпруги, выступаем.

Отряд двинулся дальше. Когда деревня скрылась за зарослями прибрежного ивняка, Росин нагнал воеводу, пошел рядом:

– Ну как, Семен Прокофьевич?

– Как думали, боярин Константин, так и случилось, – кивнул одетой в шелом головой Зализа. – Поля уже засеяли, косить еще рано, иных работ тоже пока нет. Отчего ж мужикам со скуки и не сходить на тот берег, схизматиков не пощипать? Глядишь, и хозяйству прибыток, и себе развлечение. Засосье пятерых выставит, с Рыжкино, глядишь, еще столько же подойдет. Во Дворище мы сегодня заночуем, оттуда до Заберезья всего несколько верст, сами сговорятся. И лодки у них свои, и интерес свой, и уйдут сами. Три десятка мечей просто сами в руки просятся. Да еще у Ильи Анисимовича на ладье судовой рати два десятка.

Он, наверное, уже в Ветвеннике ждет. Так что, не беспокойся, Константин Алексеевич, сила у нас собирается крепкая. Выручим вашу певунью из полона, не пропадет. Бог даст, дней через пять обнимете.

Глава 2

Голос

Слух о том, что воскресную службу в Йизыкусском костеле будет проводить дерптский епископ, мгновенно разнесся по окрестным селениям, и с самого раннего утра с поселку Йизыку потянулись прихожане.

Занявший место епископа девять лет назад, властитель здешних земель и прежде демонстрировал достаточно жесткую руку, без содрогания требуя положенные Церкви и сюзерену подати, кроваво пресекая всякие поползновения кальвинистов наложить свои грязные лапы на богатые прирусские земли, одновременно с предельным уважением терпя существование православных храмов. Именно поэтому дерптское епископство оставалось островком спокойствия в Ливонии, охваченной пожаром лютеранства и ужасом безвластия.

Но три месяца назад случилось и вовсе невообразимое: епископ внезапно проникся благочестием и любовью к ближнему. Он пресек попытки кодаверских монахов обложить сервов дополнительным налогом на лечение увечных, пострадавших во время Зимнего похода, простил недоимки, запретил впредь за любые долги продавать в рабство сервских детей, облегчил барщину. Среди прихожан поползли слухи о снисхождении на правителя благодати Божией – да тут еще и во время богослужений в присутствии епископа стали твориться истинные чудеса: звучал голос самого Господа, призывающий к молитве, песнопения возникали сами собой, поражая своей мощью: болящие исцелялись, увечные начинали ходить, слепые – прозревали. Неудивительно, что весть о визите господина епископа побудила сорваться с места и устремиться в храм жителей Мяэтагузе и Куремяэ, Охаквере и Иллуке, и обитателей еще многих, многих десятков деревень и хуторов на десятки миль вокруг.

К рассвету вокруг костела собралась уже почти трехтысячная толпа, нетерпеливо гудя перед запертыми воротами. А с первыми лучами солнца на

идущей со стороны Тудулинна дороге показалась кавалькада из семи всадников.

– Едет! – прошелестело по толпе, и прихожане один за другим начали опускаться на колени.

Первым мчался худощавый мужчина с гладко выбритым скуластым лицом в коротком, немногим ниже талии, плотно облегающем тело красном шерстяном пелисе, подбитым коротким мехом нутрии и испанских пуховых кальсесах, спускающиеся до самых сапог. Следом на нем, сидя в седле по-дамски – свесив обе ноги на одну сторону, скакала столь же худощавая женщина в темно-коричневом сюрко с разрезом впереди, и со шнуровкой на груди. Волосы епископской спутницы украшал бархатный обруч с крупными жемчужинами, с которого свисала густая темная вуаль, закрывающая лицо и плечи. Из-под длинного подола выступали кончики туфель, на которых поблескивало серебряное шитье.

За дамой следовали пятеро всадников, одетых в толстые кожаные куртки, способные выдержать скользящий удар стрелы или меча. Все они имели на луке седла небольшие щиты в форме прямоугольника со скругленным нижним краем, на головах их поблескивали овальные железные шапки, на ремнях болтались короткие, в руку длиной, мечи. Едущий первым, помимо прочего, придерживал поднятое вверх копьё, под острым наконечником которого развевался флажок с гербом Дерптского епископства.

Впрочем, прошли те времена, когда правитель западного берега Чудского озера всерьез опасался за свою жизнь в своих собственных землях. За последние месяцы отношение сервов к нему сменилось на прямо противоположное, и теперь охрана куда чаще сдерживала порывы излишне восторженных подданных, а не защищала его от униженных и разоренных.

Сейчас, когда прихожане мирно стояли на коленях, никакой опасности для епископа не предполагалось, а потому воины несколько поотстали, позволив правителю подъехать к воротам костела в гордом одиночестве. Своим шансом немедленно воспользовалось трое калек из более чем двух десятков, собравшихся у храма.

– Исцели, исцели... – на разные голоса заскулили они, протягивая свои грязные руки.

Господин епископ шагнул было мимо, но вдруг остановился и покосился на пахнущего кислятиной уродца в выцветшем рубище.

- Ты хочешь исцеления, смертный? - священник усмехнулся. - Тогда смотри на меня. Ты слеп, ты должен видеть то, что недоступно зрячим... Ну же, смотри!

Нищий, только что с мольбой тянувший руки, внезапно отпрянул, в ужасе закрывая глаза и бессмысленно хрипя:

- Демо... демон...

Дерптский епископ довольно расхохотался и шагнул в медленно расползающиеся высокие створки. Следом неслышно скользнула дама. А нищий продолжал метаться из стороны в сторону:

- А-а-а! Тьма! Надвигается тьма! Демоны в рясах, всадники с чашами грядут...

- Что, что ты видел? - заинтересованно стекалась к нему толпа.

- Я видел демона, - рвал на себе волосы нищий. - Наш епископ - демон!

- Богохульник! - попыталась дотянуться до него одна из прихожанок, гневно сжимая кулаки. - Богохульник, бейте его!

- Я видел демона! - продолжал метаться нищий, распихивая людей в стороны ладонями с растопыренными пальцами. - Я видел, видел, видел...

Он на секунду замер, таращась на свои заскорузлые пальцы, и внезапно из его глотки вырвался еще более громкий крик ярости, невероятным образом перемешанной со счастьем:

- Я видел... Я прозрел!!! Люди, я прозрел! Прозрел, прозрел, прозрел!

Тем временем епископ, в сопровождении мелко семенящего, сгорбившегося приходского священника, вышел в центр костела, вскинул голову к куполу:

– Ха-а! – правитель здешних земель прислушался к эху, сделал еще несколько шагов и снова крикнул: – Хо-о!

Священник испуганно втянул голову, перекрестился и поцеловал нагрудный крест.

– Да, – уверенно кивнул епископ, повернулся к местному пастырю, ткнув ему в грудь тонким и длинным указательным пальцем: – Отведи мою гостью наверх, на галерею под куполом. Когда вернешься, переоденься для службы.

Вскоре ворота костела медленно, величественно распахнулись, прихожане торопливо ринулись внутрь, растекаясь по храму.

Теперь дерптский правитель стоял перед распятием в алом баррете – четырехугольной шапочке епископа. Светский пелис сменился красным гауном на теплой меховой подкладке, с откидными от локтя рукавами, и бобровым, без застежки, воротником, поверх которого лежал тяжелый золотой крест. Молитвенно сложив руки и опустив подбородок, он дождался, пока шум за спиной утихнет, после чего громко произнес:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

– Аминь, аминь... – неуверенно поддакнули прихожане.

Дерптский епископ выступил вперед, к небольшому деревянному пюпитру с лежащим на нем Евангелием, остановился, словно уперся в вожделенные взгляды прихожан, скромно улыбнулся:

– Благодать Господа нашего Иисуса Христа любовь Бога и Отца и общение Святого Духа да будет с вами!

Собравшиеся перед ним смертные принялись креститься. Креститься. Перед ним. Еще никогда за время своего существования он не чувствовал себя Богом до такой степени. В этом был какой-то странный парадокс – чтобы почувствовать себя Богом, ему пришлось вселиться в тело смертного. Да, на этот раз с воплощением демону воистину повезло.

– Братья и сестры, – громко, нараспев произнес он, вскинув правую руку. – Осознаем наши грехи, чтобы с чистым сердцем совершить Святое Таинство.

Прихожане пробормотали в ответ нечто неразборчивое. Епископ отвел им на краткую молитву немного времени, после чего продолжил:

– Да помилует нас Всемогущий Бог и, простив нам грехи наши, приведет нас к вечной жизни. Аминь!

Он поднял взгляд к куполу, ткнул туда пальцем.

– Господи, помилуй, Господи, помилуй! – громогласно прокатилось по храму, и многие сервы и дворяне от неожиданности пригнули головы, неистово крестясь. – Христе, помилуй, Христе поми-и-илуй!

Многokrратно отраженный от каменных стен, усиленный куполом голос оглушал. Казалось, он несется с разверзшихся небес, взрываясь прямо в голове каждого прихожанина.

– Господи, помилуй, Господи, поми-ил-у-уй...

Голос, пометавшись от стены к стене, медленно затих и в костеле повисла мертвая тишина.

– Господь да будет в сердце твоём и в устах твоих, – повернувшись, к приходскому священнику, епископ размахисто его перекрестил и отступил в сторону, – чтобы ты достойно и надлежаще возвещал Его Святое Евангелие.

Священник поцеловал святую книгу, тихо ответил:

– Слова Евангелия да изгладят наши согрешения, – после чего начал чтение.

Дерптского епископа святые слова не интересовали. Ему уже не один раз приходилось встречаться с этими текстами в предыдущих воплощениях, и хотя каждый раз они оказывались у разных народов на разных концах света, но название всегда было одно: Книга. Что-то в Книге было истиной в высшем смысле, что-то – заведомой ложью. Но во всех мирах этот странный текст

завораживал смертных, вел за собой, заставлял жертвовать собой, отказываться от радостей жизни, любви, от своего прошлого и будущего – и этого епископ понять не мог. Точнее, уже не епископ, а демон, выкупивший себе тело священника на обычный, не очень большой срок.

Впрочем, сам он от маленьких радостей, даруемых ему воплощением, отказываться не собирался. Одной из этих радостей был слух: способность различать звуки – шелест листвы, пение птиц. И высшая красота – звучание хорошо поставленного человеческого голоса в способном сохранить его мощь пространстве. А потому он не стал произносить положенную после евангельского чтения проповедь, а лишь взмахнул рукой, осеняя толпу крестом и одновременно давая знак под купол.

Сольем в молитве голоса,

И их расслышит Тот,

Кому осанну в небесах

Хор Ангелов поет.

Мощный глас обрушился на прихожан, перекрыв появившиеся среди уставших от монотонного бормотания приходского священника людей, заставил их содрогнуться от неожиданности и от восхищения невероятного чуда, свидетелями которого им довелось стать. Ибо подобный глас может быть только гласом небесным.

Сольем в молитве голоса,

И пусть звучит хвала

Тому, за Кем все чудеса,

Все славные дела.

Звук хорала наполнял храм, как вешняя вода, поднимаясь, наполняет собой все ямы, и долины, закрывает поля и лесные тропы – унося всю грязь, мусор, накопившуюся гниль, и оставляя только чистоту. Так и молитвенное песнопение проникало в души, очищая их, возвышая, наполняя искренней верой.

Пускай Он царствует в сердцах

И обновляет их,

Низвергнув боль, тоску и страх

В пучину вод морских.

Пусть хлеб народу ниспошлет

И долгий мир для всех,

Сословью всякому – почет

И всем делам – успех.

Голос смолк, и в храме повисла напряженная тишина. Дерптский епископ сделал знак священнику, чтобы тот поднес высокий золотой кубок с облатками.

Смертные потянулись к причастию.

От предложенного йзыкусским пастырем скромного угощения правитель отказался – жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на аскетизм. Он торопливо переоделся в пелис, более подходящий для теплой весенней погоды, потом подал руку таинственной даме в вуали, вместе с нею вышел из распахнутых настезь ворот храма.

На этот раз четверо охранников ожидали своего господина и метнувшихся к правителю нищих более не подпустили. Дерптский епископ помог даме сесть в седло, потом сам легко поднялся на ослепительно белую кобылу. Та испуганно всхрапнула, слегка попятилась. Всадник успокаивающе потрепал лошадь по шее, потом пятками тронул бока, и она неспешной рысью пошла вперед.

Спустя минуту его нагнал небольшой отряд телохранителей. Епископ вопросительно покосился на одного из них.

– Флор еще до службы ускакал, – пояснил тот.

Правитель здешних земель кивнул, придерживая лошадь, дождался всадницы и положил руку ей на колено. Женщина откинула вуаль и улыбнулась в ответ. Епископ сильно хлопнул ее скакуна по крупу, переводя в галоп и помчался следом.

Миль через десять стремительной скачки по лесной тропе отряд вынесся на берег озера и, разбрызгивая воду, помчался по мелководью, по направлению к взвивающемуся над низким ельником сизому дымку. Там, на зеленой поляне, вдающейся в лес, один из телохранителей крутил над огнем нанизанный на длинный вертел жирный свиной окорок. Увидев отряд, он отступил от огня, раскупорил глиняный кувшин и поставил его на расстеленную вышитую тряпицу, на которой уже красовались два серебряных кубка и поднос с очищенными и поджаренными орехами.

- Обед готов, господин епископ, - почтительно поклонился воин.

- Спасибо, Фрол, - спрыгнул правитель с кобылы, после чего подхватил за талию и снял девушку.

Телохранитель принял скакунов под уздцы, отвел с сторону.

А дерптский епископ направился в первую очередь не к огню или накрытому столу, а к берегу, с наслаждением зажмурился, подставляя лицо солнцу и ветру, обильно насыщенному свежестью и влагой. Потом он присел у среза воды, упустил руки в волны, плеснул себе в лицо.

- Холодная?

Епископ обернулся.

- Холодная водичка? - девушка подступила ближе. - Я тоже хочу ножки помочить. С прошлого года не купалась!

Она подняла руки к груди и дернула золотые оконечники шнуровки.

- Мы, господин епископ, - кашлянул Фрол, - у тропы подождем.

Правитель молча кивнул, и телохранители, повернув лошадей, торопливо помчались прочь. А дама тем временем разобрала шнуровку, сдвинула плечи платья в стороны, позволила своему сюрко упасть на траву и осталась в одной короткой рубашке из тонкого белого полотна. Присела, сняла с ног мягкие коротконосые пулены. Потом, после небольшого колебания, скинула и камизу и,

обнаженная, вошла в воду.

– А-а-ай, как хорошо! – она часто-часто сжимала и разжимала пальцы, двигаясь в волны. – Сейчас купальный сезон откроем...

Священник с усмешкой следил за спутницей и, вроде, даже собрался последовать следом – пелис, во всяком случае, расстегнул и кинул на траву. Однако, стоило волнам добраться даме до бедер, как ее решимость тут же испарилась и она предпочла отступить назад, на сушу.

Кавалер, уже снова в кафтане, присел у огня, срезая с окорока верхние, зарумянившиеся ломтики, тут же отправляя их в рот. Увидев, как поежилась девушка, он поднялся, наполнил кубки вином, один протянул ей. Сделал глубокий глоток, блаженно зажмурился, снова подставляя лицо озерной свежести.

– Все-таки хорошо быть человеком, Инга, – покачал он головой. – До чего прекрасно ощущать ветер, тепло и прохладу, вкус вина или горячего мяса!

– Тебя интересует только мясо?

– Ну почему же? – Священник медленно опустил руку, задержав ее на талии певуньи. – Есть много не менее прекрасных вещей... Да ты совсем замерзла!

Он повернул Ингу и прижал ее к себе. Осушил кубок, отбросил в сторону, поправил кончиком указательного пальца выбившийся локон, потом скользнул рукой по подбородку, по шее.

– Нет, в этом мире есть еще очень много прекрасного и желанного...

Рука опустилась еще ниже, крепко сжав грудь, а потом снова соскользнув на бедро.

– Сейчас... Сейчас, согреешься...

Священник скинул свой меховой пелис, расстелил его у костра, оставшись в одной рубашке и кальсесах – но завязку штанов он тоже развязал. Инга

послушно опустилась на теплую куртку, легла на бок подставляя свое тело огню. Дерптский епископ сел рядом, а рука его жадно скользнула по розовой от отблесков костра коже: по крупной высокой груди, ровному животу, забралась в курчавые волосы внизу живота и надолго застряла там.

Девушка вздрогнула, прикусила губу, полуприкрыв глаза.

– Но самое прекрасное, Инга, – прошептал епископ ей в самое ушко, – это твой голос. Это истинное чудо, это невероятное совершенство, это истинное колдовство. Как ты заморозила сегодня в храме христовом эту толпу! Она едва не потеряла рассудок!

– Да, мой господин... – похоже, девушка уже не понимала, о чем ей говорят, и соглашалась на все.

– Спой мне, Инга. Спой... Дай услышать твой голос, дай услышать хорал не издали, а рядом с тобой... В тебе...

– А... А... – Инге понадобилось приложить некоторое усилие воли, но голос ее все-таки зазвучал, раскатываясь далеко над водным простором:

Споём во славу Господа спасенья,

Ему по нраву радость восхваленья.

Споём во славу!

Дерптский епископ ослабил веревку штанов и быстро скинул их с себя, после чего опрокинул певицу на спину.

Как в горнем свете... в звуке обитаем,

В святом Завете силу... обретаем...

Мы, Божьи дети!

Последние слова сорвались с ее губ с особенной страстью, поскольку ее господин совершил то, к чему она была готова всей своей плотью.

Нас наполняет... благодарность... Богу,

И воспаряет... к Твоему чертогу

Та песня... что из сердца... истекает.

Наступит... время счастьем... упиваться:

Ты будешь всеми... вечно... воспеваться.

О... легкое, о... сладостное... бремя!

Дерптский епископ резкими толчками проникал в нее все глубже – девушка вздрагивала, мотала головой из стороны в сторону, скребла пальцами землю, но продолжала петь, окрашивая слова древнего хорала неожиданными, неведомыми ранее эмоциями...

В полумиле от костра Фрол натянул поводья и его лошадь закружила на месте, высоко поднимая копыта.

– Какой голос у госпожи, – пораженно покачал головой один из воинов. – Воистину ангельский. Земным людям Господь такого не дает...

– Да, – кивнул другой и перекрестился. – Истинно благословение Божие. – Он прислушался к стелящимся над волнами словам, и уважительно добавил: – Молятся...

* * *

В эти самые минуты в небольшой рыбацкой деревушке Ветвеник, что стоит на самом берегу Чудского озера на десять верст южнее Гдова, отделенная от древней крепости чавкающим, непроходимым болотом, собралось необычайно много народа. В большинстве это были бородатые мужики и молодые парни, одетые в темные, нечищенные кольчуги поверх толстых холщовых стеганок, в шлемах или толстых, часто прошитых проволокой и набитых конским волосом «бумажных шапках», с топорами и кистенями за поясом, – хотя многие могли похвастаться и самыми настоящими мечами на боку.

Среди оружных рыбаков царило оживление: им и раньше приходилось, спасаясь от зимней скуки или от вынужденного безделья между запашкой земли и первыми летними работами, ходить в набеги на близкие лифляндские волости или на юг, к извечным ворогам – жмудинам. Однако не так уж часто сии походы возглавляли умелые бояре, а уж тем более – человек государев, самим Иваном Васильевичем из многих ратников служилого сословия избранный. Одно это сулило явный успех набега и богатую добычу – а потому и собралось из ближних и дальних деревень не в пример больше народа.

В глубокой, удобной бухте, напротив пяти причалов из потемневшего дерева покачивался, ако поглотивший Иова левиафан, новгородский морской корабль, способный и полтора ста сотен пудов товара в трюмы принять, и два десятка судовой рати, не считая корабельной команды, на борту унести. Крупные рыбацкие баркасы казались рядом высунувшимися из глубин озерными сомами – достойной добычей сами по себе, но слишком мелкими по сравнению с настоящей рыбой.

На берегу потрескивали костры, над которыми зажаривались заколотые по такому случаю два кабанчика, рядом жмурились на огонь двое пареньков лет пятнадцати – в новеньких длиннополых стеганках с нашитыми на грудь широкими железными пластинами.

– Тоже, стало быть, в поход собрались, – задумчиво кивнул Зализа. – Впервой, надо думать...

– Что говоришь, Семен Прокофьевич? – не расслышал сидящий рядом купец, одетый в шерстяные шаровары и подбитый ватой суконный кафтан с короткими рукавами. По виду он не сильно отличался от других членов корабельной команды, перевозящих на борт ладьи снятые с лошадей чересседельные сумки – вот только под окладистой бородой заметно выступал солидный, приличествующий званию округлый животик, а на пальцах поблескивало несколько золотых, с крупными камнями, перстней.

– Говорю, время сейчас хорошее для похода, Илья Анисимович, – обернулся на него опричник. – И не померзнем без костров, и не жарко, коли хороший поддоспешник под броню надеть. Еще месяц протянуть, так в броне хуже, чем в печи жарить начнет.

– Это да, – согласился купец. – По мне, так лучше мороз, нежели пекло. По холоду налатник накинешь, поддоспешник войлочный добавишь – и хоть в снегу спи. А от жары никуда не спрячешься. О, еще парус!

Из-за поросшего соснами мыса показался баркас, лихо лег набок, едва не черпнув бортом воды, повернул в бухту, выпрямился. Белый треугольник быстро пополз вниз. Дальше баркас двигался только по инерции, но маневр оказался рассчитан настолько точно, что остановилось суденышко только у самого причала. С него на округлые жерди настила спрыгнул мальчишка, торопливо намотал веревку на выступающую сваю.

– Ай, хороший кормчий, – приподнялся купец. – Вот мне такого на вторую ладью надоть...

– Когда она будет-то? – усмехнулся опричник. – Третий год про нее слышу, а видеть чегой-то не довелось.

– Нонешней весной артельный закончить обещал, Семен Прокофьевич, – расплылся в довольной улыбке купец и запустил руку в мешок со снетками. – Как с твоим делом закончим, так за товаром и поеду. Ужо и команду новую сговорил.

Из баркаса на причал выбрались один за другим четверо мужиков, сошли на берег.

– Ага, – Зализа кинул в рот пару рыбок и, торопливо их прожевывая, поднялся, блеснув на солнце начищенными пластинами юшмана.

Следом за ним поднялись сидевшие поблизости купец Баженов, председатель клуба «Черный шатун» Костя Росин и его друг Игорь Картышев.

В этом мире Игорь привлекал куда меньше внимания, нежели в двадцатом веке. Уж очень любил «красный петух» посещать русские города, слободы и деревни. Как ни зарекались от него люди – и кузни с мастерскими в сторону от жилья выносили, и овины в стороне ставили, и топить запрещали без воеводского дозволения – а все равно в каждом столетии всякий город выгорал дотла по три-четыре раза. Мелкие пожары и в счет не шли: выгорела улица – слава Богу, дальше не перекинулось. Потому покрытое ярко-красными пятнами заживших

ожогов лицо удивления не вызывало: ну пересидел где-то в охваченной пламенем избе, не уберегся, добро али детей малых спасти пытался – бывает. И даже скажи им кто, что горел Картышев не в избе или сарае, а в танке на узкой афганской дороге – так ведь мало ли кто где горел? Дело обычное...

– Здрав будь, воевода Семен Прокофьевич, – сняв шапки, дружно поклонились подошедшие от баркаса мужики. Двое из них были в кольчугах, один в стеганке с нашитым на живот большим кольчужным куском, один – в любовно начищенном колонтаре. – Слышали мы, собираешь ты дружину, лифляндских схизматиков уму-разуму поучить. Сами мы будем из Стрекотово, черные пахари, Мелкошины, челом бьем.

– И вам здоровья, добрые люди, – кивнул одной головой опричник. – Дружину я не собираю, ибо для схизматиком много чести будет, но за зимний набег наказать желаю, и в деле этом любому охотнику завсегда рад.

В воздухе повисла тишина – гости осознавали услышанное. Разумеется, ничего нового для себя они не узнали. Коли смерды черные, то есть государевы – они могли считаться вольными от всяких закупов и недоимок, от Юрьева дня. Стало быть, вступив в дружину государева человека, они становились служилыми людьми, тягла государева имели право более не платить, и даже сами рассчитывать на жалование. Такого Зализа позволить себе не мог. Другое дело – охотчие люди. Эти в поход идут только ради веселья или добычи, по своей воле, и облегчения иных повинностей ждать не должны.

Правда, ничего другого Мелкошины услышать и не ожидали – смердов на Руси в походы никто и никогда не верстает, это удел служилого сословия. Разумеется, простому человеку ход в служилые не заказан: хочешь, в стрельцы записывайся, хочешь, в черные сотни по призыву иди. И коли стоящие перед опричником пахари по сей день в деревеньке своей обитают – стало быть, сами на воинскую службу не рвутся. А решили ради скуки и прибытка у соседей пошалить – другое дело. Ради этого тягла никто снимать не станет.

– Спасибо за честь, Семен Прокофьевич, – ответил за всех мужик в колонтаре. – Мы люди охотчие, но надолго от хозяйства оторваться не можем. Потому определи нам воеводской волей место при дружине, да долю свою назови.

Зализа улыбнулся, услышав речь бывалого человека. Никаких лишних жалоб, наивных надежд. Место при дружине, да доля воеводы в добычи – это все, что нужно знать охотнику в лихом набеге. Да еще предупредил, что рассчитывать на них надолго нельзя – тоже спасибо. Пожалуй, на этого ратника положиться можно, не подведет.

– Идем мы гостевать на один день, – так же четко и ясно ответил опричник. – Место ваше будет за ладьей, последними. Как вблизи берега ладья парус спустит, к борту подойдете, да четырех латников к себе примете, и с ними высадитесь... Хотя нет, – оборвал себя Зализа. – Иначе сделаем. Илья Анисимович сказывал, кормчий у вас зело хорош...

– Сын мой младший, – не удержавшись, перебил воеводу охотник.

– Потому, – сдержал раздражение опричник, – до темна примете на борт меня с тремя латниками, и пойдете вперед. Надобно высадиться тайно, дабы шума раньше времени не поднять. А на счет добычи... Ничего просить не стану. Но коли девки вам справные попадутся: Илье Анисимовичу на ладью отдайте. Он знает, что с ними опосля сделать.

– Благодарствую за честь, Семен Прокофьевич, – приложив руку к груди, поклонился Мелкошин. – Все сполним.

Отступив, он отдельно поклонился купцу и, махнув рукой односельчанам, повел их к деревне.

– Первыми пойдем! – услышал его радостное сообщение Зализа и довольно улыбнулся:

– Ну вот, почитай, семь десятков ратников под рукой имеем.

– Да какие это ратники? – хмуро огрызнулся Картышев. – Мужики сиволапые.

– Да ладно тебе, боярин, – незлобливо покачал головой опричник. – Их на рать никто и не посылает. А подмога неплохая получится. Ты не мучайся, боярин, выручим мы твою родственницу из полона.

– Правда, Игорь, – неожиданно поддержал Зализу Константин. – Все в точности по плану идет. Пока даже лучше, чем ожидали. Вытащим мы Ингу от епископа, ни хрена он сделать не сможет!

– Слишком хорошо все получается, – поморщился Картышев, зачерпнул целую горсть снетков, поднялся и пошел вдоль берега.

– Нервничает, – извиняющимся тоном произнес Росин.

Впрочем, Зализа это и сам прекрасно понимал. Когда у тебя единственная родственная душа прямо из дома исчезает – это беда. Когда ты узнаешь, что она у дикарей-схизматиков в полоне томится – это беда столь же страшная. А боярину Картышеву с бедой такой, почитай, три месяца жить пришлось – пока узнали, пока к ответному набегу изготовились. Понятно, душа у служивого не на месте.

Опричник прихватил из раскрытого мешка еще немного рыбки, и поморщился: снетки. Рыбка мелкая, почитай сорная – но местные рыбаки догадались подсаливать ее и вялить целиком, отчего стало получаться лакомство – не лакомство, но угощение приставучее, хуже семечек. Пока все не съешь – не успокоишься. Ужо и брюхо набито, и в горло не лезет – а руки все едино ко рту тянут.

Ветвенникские рыбаки с готовностью выставили желанным гостям сразу пять мешков: угощайтесь! В итоге за полдня все бояре объелись так, что думали только о воде. А хитрые смерды к собственной выдумке не прикоснулись – дождались, пока кабанчики поспеют.

– Ну что, Илья Анисимович, – решительно отодвинул мешок Зализа. – Пора нам к тебе на ладью перебираться. Рыбакам на баркасы сесть быстро, а нам на твоей лодчонке раз десять метаться придется.

– На ладью с причала садиться надобно, а не с мелководья, – покачал головой купец. – А коли причала высокого нет, никуда не денешься. На лодке придется переплывать.

– Тогда, Константин Алексеевич, – кивнул Росину опричник, – поднимай своих ратников, отправляй на борт. Батовы следом пойдут. Пока соберемся, охотники

как раз подкрепиться успеют, следом и тронутся.

Глава 3

Кодавер

На Чудском озере русский берег от ливонского отделяет всего тридцать верст. Небольшая флотилия из одной ладьи и двух десятков баркасов преодолела это расстояние еще до сумерек и легла в дрейф вне видимости берега. Возможно, не на всех судах кормчие были одинаково опытные, но родные места отлично знали все, а потому, сгрудившись вокруг флагмана, достаточно уверенно указывали на ровную линию горизонта:

– Кодавер прямо. Монастырь там у схизматиков, и деревня большая. Коли севернее брать, то к Сассуквере попадем. Там селение из четырех дворов, и все. А южнее – Пярсикиви. Там поселок большой, кабаки монастырские, церковь богатая. К Пярсикиви идти треба, пока сила у нас. Там есть что на меч взять. А в Кодавере монастырь, стража.

Зализа стоял, опершись локтями на борт и слушал – слушал внимательно, не отмахивался. Однако и решения своего вслух не произносил. Как назло, погода стояла ясная, спокойная. В такую погоду на ровной, отблескивающей лунным светом поверхности озера корабли видно ой, как далеко! А ливонцы, хоть и схизматики, но не дураки, и засеку с малым отрядом непременно должны выставить.

Опричник отступил к мачте, сграбастал за ворот Прослава:

– Повтори, что про засеки сказывал?

– Промеж Кодавером и Пярсикиви болото лежит. Потому стража и там, и там, возле топи. А далее токмо перед Ранной. За ней опять топи начинаются.

– И более нигде?

– На монастырской колокольне. Но с нее озера за топью не видать, холм там крутой. Потому и засеку у берега поставили.

Зализа отпустил проводника и, ощущая на спине холодок ужаса, принялся неторопливо расстегивать крючки юшмана. Этот острый холодок с бегающими по спине мурашками он испытывал каждый раз, заранее готовясь к сече, или мчась в атаку на рыхлые татарские орды – и именно этот холодок, смешиваясь с решимостью пройти свой путь до конца и вызывал у него то щемящее чувство восторга, которое заставляет воина искать для себя схватки, вступать в бой, из которого обязательно выйдешь победителем: потому, что русских воинов хранит Бог, и они могут погибнуть, но проиграть – никогда!

– Смотри, Прослав, – предупредил он смерда. – От слова твоего ноне жизнь твоя зависит. Не ошибись.

– Почто доспех снимаешь, Семен Прокофьевич? – удивился купец.

– Звенит он, Илья Анисимович. Ночью, почитай, за версту услышать можно, – опричник перевел взгляд на Росина. – Со мной пойдешь, Константин Алексеевич. И ты, боярин Малохин.

Костя хмуро кивнул. Лично он никакого восторга от схваток не испытывал, и сражаться не любил. И каждый пораженный в бою враг вызывал в нем чувство вины за отнятую жизнь. Но он прекрасно понимал, что без этой тяжелой работы русской земле не обойтись, а потому выполнял ее честно, не отлынивал и за спины одноклубников не прятался.

– Вот черт, доспех заранее надеть поленился, – Сережа, видимо, радости от предстоящей вылазки тоже не предвкушал. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, почему опричник выбрал именно их: оба стояли на палубе судна в одних стеганных куртках, без железа. – Мушкетон брать?

– Нет, бояре, – покачал головой Зализа. – Начнем тихо.

Он протянул свою броню, превратившуюся в бесформенную грудку железа, старшему Батову и перегнулся через борт:

– Ну, где тут Мелкошин со своим кормчим?

– Здеся мы, воевода! – на одном из баркасов взметнулось в воздух весло, послышался громкий плеск. Масса суденышек пришла в движение.

– А нам когда выступать? – поинтересовался купец.

– До полуночи выждете, а потом к краю топи правьте, к Кодаверу, – распорядился Зализа. – Дорогу тебе рыбаки укажут, не впервой.

К борту с гулким стуком приткнулся баркас, и опричник кивнул Прославу:

– Прыгай.

Потом бесшумно соскользнул сам, отодвинулся, освобождая место еще двум воинам. Рыбацкое суденышко заметно просело, но на гладкой воде небольшой перегруз особого вреда принести никак не мог.

– На Пярсикиви правь, к болоту, – кивнул сидящему на корме мальчишке Зализа и поправил саблю, подтягивая ее вперед. – И торопись, полной темноты нам ждать ни к чему.

С этим опричник рассчитал совершенно правильно: одинокая лойма, возвращающаяся в сумерках с озера к соседней рыбацкой дереvушке, не привлекла внимания кодаверского патруля, греющегося у костра почти на самом берегу. В Пярсикиви растянувшийся на траве латник удивился, что идущая явно к ним лодка вблизи берега почему-то исчезла – но тревоги поднимать не стал. Какая может случиться беда от одной-единственной заблудившейся лоймы? Тем паче, что вот уже четвертый год язычники с русского берега ни разу не пытались потревожить владения дерптского епископа. Видно, сам Господь берег церковные земли, отводя беды войны либо далеко на юг, в полуязыческую Литву, либо обрушивая свой гнев только на русские пределы.

Тем временем баркас, едва не ткнувшийся носом в заболоченный берег, повернул на север и поднял парус, заметно завалившись на левый борт. Не сместись все пассажиры на правую сторону – глядишь, и перевернулась бы лодчонка. Однако, уравновесившись, лодка помчалась со скоростью хорошего

рысака, стремительно скользя мимо поросшего осинами болота.

– Версты две будет, не более, – шепотом предупредил Прослав, сжав острие клевца с такой силой, что захрустели суставы. – Как ельник начнется, так и засека епископская недалече.

Над озером стремительно сгущался мрак, и мир разделился на две части: лес, под кронами которого сгустилась непроглядная тьма, и озера, на волнах которого легкая рябь играла отблесками яркой луны, словно шелковая нарядная рубаха.

Впереди, за округлыми осиновыми кронами, проглянули острые еловые пики.

– Ты, Мелкошин, пока останешься здесь, – наказал Залина одетому в колонтарь охотнику. – А остальные – за мной. С нами Бог, бояре.

Особо не таясь, опричник спрыгнул в воду. Плеск от его ног растворился среди мерного шума накатывающихся на берег волн, и ничьего внимания привлечь не мог. Следом за ним баркас покинул Прослав, а потом и остальные воины.

Выбравшись на сушу, опричник сразу двинулся вглубь берега. Ему, поставленному государем хранить рубежи Северной Пустоши, было хорошо ведомо, куда в первую очередь станет смотреть поставленный в секретную засеку ратник, куда не стоит показываться ни в коем случае. Только углубившись в чащу на пару сотен шагов, он пропустил вперед себя Прослава, родившегося в здешних местах, и знавшего каждую тропинку наизусть.

– Ну, показывай.

Проводник кивнул, двинулся дальше вглубь леса, уверенно петляя между вековых елей, пока не вывел отряд на узкую утопанную тропу.

– Туда, – махнул он в сторону озера.

Зализа кивнул, снова обгоняя бывшего ливонца, положил правую руку на саблю, хотя оружия пока не обнажал. Прослав тоже схватился за чекан, но шаг у него получался какой-то уж очень короткий, и его обогнали сперва Росин с

Малохиным, а затем и охотники из Стрекотово.

Опричник тем временем замедлили шаг, повел носом:

– Никак костер жгут?

Такой беспечности от лифляндских караульщиков он никак не ожидал. Ведь единственное достоинство засеки – это ее потаенность. Увидеть врага до того, как он увидит тебя, успеть предупредить воеводу, ближние селения, пока их не застали врасплох. И первое, чем выдает себя врагу тайная стража – это огонь. Дымок над кронами, запах гари, потрескивание поленьев – все это может стоить жизни малочисленному воинству.

Да, разумеется, его засечники тоже жгут костры, когда стоят на страже Невы и ее берегов. Но схрон для отдыха делают куда как далеко от самого поста. Да и нет у них другого выхода, от Невской губы до ближайшего жилья – полдня пути, не набегаешься. А здесь, чуть не в самом поселке лежбище устраивать...

Зализа жестом подозвал охотников и Малохина, указал им дальше по тропе, шепотом уточнил:

– Разойдитесь до воды, да зрите в оба! Коли вестник к монастырю побежит, не упустите!

Сам же в сопровождении Росина, свернул к кустарнику и стал тихонько пробираться вперед – туда, где за переплетением ветвей просвечивал живой темно-красный свет. Прослав, некоторое время помявшись на тропе, повернул следом за опричником.

Сторожей оказалось трое. Один лежал, вытянувшись у огня и подперев голову рукой, еще двое сидели, жмурясь на пламя и зажаривая что-то на длинных оструганных веточках. Неподалеку стояли прислоненные к низкой ольхе копья, мешающие сидеть короткие мечи-кошкодеры лежали в траве. Такого момента Зализа упустить не мог, а потому, не раздумывая, схватил саблю и ломонулся вперед.

Стражники, за долгие годы привыкшие к безмятежности и скуке своей службы, вместо того, чтобы хвататься за оружие, похожим движением вскинули ладони к глазам, пытаясь взглянуть в темноту:

– Кто там?

Громко зашипели мокрые сапоги: опричник сгоряча выпрыгнул прямо в костер, со свистом рассекла воздух сабля – р-раз, и еще раз. Латники, уронив в пламя ветки с нанизанными на них ломтями хлеба, отвалились на спину.

– А-а! – лежащий воин перекувырнулся на живот, попытался на четвереньках поползти до оружия, но третий удар сабли снес ему голову, которая, бесшумно распахнув рот, покатилась к кустарнику.

– Скорей! На берегу караульщик быть должен! – рванулся вперед, через невысокий холмик Зализа.

Костя, только сейчас успевший выхватить меч, кинулся следом.

У селения Кодавер и ближайших поселков еще оставался шанс уцелеть, спасти если не дома, то хотя бы жизни и самое ценное из имущества своих обитателей – но откинувшийся на крутом берегу молодой мальчишка, посланный старшими воинами наблюдать за извечно спокойным простором озера, вместо того, чтобы, услышав странный шум и крики, мчаться к монастырю, вопя во все горло, всего лишь удивленно поднялся, прислушиваясь к происходящему за холмом. Потом подобрал копье и стал пробираться вверх по склону.

Его силуэт пропечатался на фоне светлой озерной воды со всей ясностью, и первый русский набег, который оказался на его памяти, стал для молодого воина последним – Зализа, опасаясь испортить клинок о кирасу, рубанул его по ногам, и последний караульщик покатился вниз по склону, оставляя за собой широкую полосу хлещущей из перерезанной артерии крови. К тому мигу, когда лицо его коснулось холодной воды, латник был уже мертв.

– Константин Алексеевич! – уже не таясь, крикнул опричник. – Поверху пройди! Может, еще кто прячется. А Прослав пусть у костра ждет.

Проводник, выбравшийся из зарослей следом за Росиным, уже ощупывал с надеждой рты и пояса еще истекающих кровью караульчиков, но на этот раз его ждало жестокое разочарование: ни золота, ни серебра латники в дозор не взяли.

- Слышишь меня, боярин Росин?

- Слышу, Семен Прокофьевич, - так же громко ответил Костя.

С шумом и треском они двинулись в сторону селения, надеясь выпугнуть незамеченных караульчиков на таящихся вдоль тропы охотников - но больше на берегу никого не оказалось. Бояре дошли до рыбаков, после чего все вместе вернулись к разгромленному вражескому лагерю. Перекрестившись над убиенными, рыбаки принялись деловито раздевать их, деля трофеи: толстые ремни с висящими на них ножами, огнивами, флягами от крови отмывались без труда, и могли послужить новым хозяевам так же справно, как и прежним. Прямой меч, конечно, не сабля - но для мужика сгодится и такой, коли вдруг схизматики затеют набег учинить, али лихой человек окрест деревни появится. Опять же, и скотину заколоть пригодится, и яму расковырять, чтобы кол для загородки вкопать. Из немецких кирас выходят отличные лопаты и лемехи, любой кузнец за пару часов перекует, было бы из чего. Да и сапоги хорошие бросать жалко, пропадут без всякой пользы. Малохин же, поведя носом и пройдя вокруг, поднял из травы полотняный мешок, развязал:

- О, лещи копченые! Жирные... А то я уже третий одними снетками питаюсь.

- Второй, - попытался поправить его Росин, но Сергей упрямо тряхнул головой:

- Третий! Полночь позади.

- Позади, говоришь? - прищурился на небо Зализа. - Эй, охотники! Собирайте добычу, возвращайтесь на лодку, да сюда ее перегоните. Сейчас остальная рать подойдет, пусть видят, куда чалиться.

Разумеется, подходящую к берегу большую флотилию из Пярсикиви заметят обязательно, но значения это уже не имеет. Прямого пути на Кодавер оттуда нет, а вкругаля ни один конник не успеет. Разве только в Дерпт вестников пошлют - но это даже хорошо. Пусть посылают.

– Где там твои лещи, боярин Малохин? – опустился на землю опричник. – Подкрепимся маленько, пока время есть.

Баркасы подошли далеко за полночь – но зато разгрузились охотники и бояре споро, не боясь промочить в темноте ноги или уступить первенство в высадке безродному рыбаку. Евдоким Батов принес опричнику оставленный на судне юшман, угрюмые низкорослые мужики из купеческой судовой рати передали Росину и Малохину тяжелые мушкетоны.

– Слушай меня, – повысил голос Зализа, застегивая на груди последние крючки. – Сигналом для всех будет огонь на доме, что против монастырских ворот. На весь день поселок ваш, делайте что хотите. Но к завтраму утру чтобы ни одного охотника тут не осталось! Ясно говорю?

– Да, Семен Прокофьевич, как скажешь, – слышались нестройные голоса.

– И раньше времени ни звука чтобы никто не издал! – добавил опричник. – Караульный на колокольне монастырской стоит. Разглядеть вас на темной земле он не разглядит, но услышать может...

Прослав уже выбрал ведущую к сердцу поселка тропу и семенящим шагом заторопился по ней. От засеки до крайних домов было не более полуверсты, поэтому времени последний переход занял немного, и вскоре воины вышли к поселку.

Кодавер спал. В затянутых выскобленной рыбьей кожей окнах не светило ни единого огонька, из сараев доносилось сонное похрюкивание, то в одном, то в другом конце селения бестолково таякали собаки. На всем пути отряда только одна псина залилась истощным лаем, переходящим в хрипоту, но и той надолго не хватило.

– Вот он, – указал вперед проводник, и отступил в сторону. – Кодаверский монастырь.

Сложенный из красного кирпича высокий, с одноконьковой крышей, с ближнего края которой вздымалась вверх звонница, с узкими окнами и тяжелой дверью монастырь напоминал крепость, и стоял, как крепость – в гордом уединении от

всех прочих построек, за которыми мог спрятаться крадущийся к воротам враг; поодаль от леса и густых кустарников, окаймляющих заборы ближних домов.

– Константин Алексеевич... – попытался отдать команду Зализа, но на этот раз уже Росин, повысив голос, жестко сказал:

– Мы между забором и кустарником засядем, оттуда наилучший сектор обстрела. И нас в тени не видно будет.

– Хорошо, боярин, – согласился опричник. – Эй, Мелкошины! Крышу дома, что за вами, палите!

– Эй, кто здесь? – тревожно окликнули сверху.

– То я, Прослав из Сассуквере! – отозвался проводник.

– Так тебя же, сказывали, убили зимой, в походе рыцаря Ивана? – удивились из темноты.

– Живой, живой.

– А кто это там с тобой по ночам бродит?

– То друзья мои новые, домой проводить хотят.

– Ветвенникские все, вместе с Прославом ступайте! – громко распорядился Зализа. Теперь, когда языки пламени уже заплясали над соломенной крышей стоящего напротив монастыря дома, скрываться смысла более не имело.

– Пожар! – завопили со звонницы. – Прослав, кто там еще?! Пожар!

Откуда-то со стороны озера послышался и сразу смолк предсмертный собачий вой. Потом еще и еще – но уже совсем с другой стороны. Мохнатые защитники домов, отважно и бездумно кидаясь на незваных пришельцев, гибли первыми. С треском распахнулись ворота, и четверо охотников ринулось во двор горящего дома, торопясь схватить хоть что-то, пока до этого не добралось беспощадное пламя.

Со стороны монастыря послышался тяжелый гул: бум-м... Бум-м...

Караульный сигналил поселку о нависшей над ним опасности – но Кодавер уже проснулся – проснулся в ужасе от смертного собачьего воя, треска ломаемых дверей, звона мечей, рубящих подпорки полатей, от сорванных с безмятежно спящих детей, женщин, мужчин одеял, и многие из них, еще не поняв, наяву они, или попали в странный ночной кошмар, успевали увидеть только веселую бородатую рожу, да блеск обнаженного меча – после чего для них наступала вечная мгла.

Засевшие в кустарнике одноклубники, тревожно переглядываясь между собой, прислушивались к доносящимся крикам.

– Земли разорили, – негромко произнес Росин, пристраивая тяжелый ствол мушкетона на развилку можжевельового куста, и снова повторил. – Земли разорили.

Прислушиваясь к доносящимся из-за спины крикам и треску, лошадиному ржанию и перепуганному хрюканью, он раз за разом напоминал себе, что происходящее сейчас отражалось в летописях короткой фразой «ходили к ворогам, да земли окрестные разорили», и считается для нынешнего времени делом совершенно обычным. Тебе хочется досадить соседу, и ты вырезаешь его крестьян. Просто и эффективно. Но его разум человека двадцатого века отказывался воспринимать, что вот так, запросто, скуки ради, с шутками и прибаутками можно стереть с лица земли целую деревню. Не верилось, что нечто подобное происходит везде и всюду по рубежам современной Руси – Руси тысяча пятьсот пятьдесят третьего года.

– Все готовы? – поинтересовался он у занявших позиции вокруг друзей. – Только не торопитесь, без команды не стрелять!

– Не дрейфь, Костя, все будет нормально, – откликнулся кто-то издалека.

Собственно, за способности своих ребят Росин больше не волновался. Это год назад, когда они всем фестивалем ухитрились ухнуться в шестнадцатый век, большинство разряженных в титановые латы и гроверные кольчуги ратников не решались поднять руку на человека, даже если этот человек вспарывает тебе

живот или насилует твою подругу. Однако излишне гуманитарные личности оказались вырезаны очень быстро, и в живых ныне остались только те, кто знает, что право на жизнь нужно доказывать.

Первое убийство – это как брачная ночь. Страшно только до момента лишения девственности. А потом... Потом отнимать чужую жизнь становится все легче и легче. Стычка за Кронштадт, потом сеча у Невы, битва на Луге, у Гдова, у Ям-города. И это всего за один год! Нет, теперь уже ни один одноклубник не побоится нажать на спусковую скобу мушкетона только потому, что перед его стволом стоит живой человек. Шестнадцатый век быстро воспитывает в человеке истинные ценности.

– А-а-а! – в освещенное пожарищем пространство выскочила босая простоволосая женщина, кинулась к воротам монастыря и принялась колотить кулаками в толстые створки.

Следом подбежал мужик в распахнутой на груди стеганке, ухватил ее за волосы и, опрокинув сильным рывком, потащил за собой.

– У-а, – некоторое время женщина и вправду волочилась, помогая себе ногами, но потом вдруг извернулась и вцепилась обидчику в руку зубами.

– Ах ты сука! – воин стряхнул ее с руки, и с размаху рубанул мечом по спине. Потом неспешно вытер окровавленный клинок о ее же подол и пошел назад к горящему дому.

Никто вокруг на зрелище никак не отреагировал.

– Это просто разорение земель, – еще раз напомнил себе Росин. – Ходили под Юриев и разорили окрестности... Обычное дело... Повседневная тактика мирного сосуществования...

Тренькнула тетива – мужик споткнулся, упал. Послышался еще один щелчок – стрела выросла из земли чуть выше его головы. Охотник вскочил. Прихрамывая, кинулся прочь – но третья стрела вошла ему в спину по самое оперение. Рыбак сделал пару неверных шагов, развернулся лицом к монастырю, широко перекрестился и рухнул на спину.

И опять никто из сидящих в кустарнике воинов никак не отреагировал.

– Чего мы тут ждем? – нетерпеливо спросил Малохин. – У моря погоды?

– Зализа сюрприз задумал, – ответил кто-то вместо Росина. – Так что не дергайся. Успеешь еще за бабами набегаться.

– Очень надо, – хмыкнул Сергей.

Перед воротами, сыто хрюкая, промчался поросенок, за ним – невысокий мальчишка. То ли один из рыбацких детей гнался за добычей, то ли оба улепетывали от кого-то третьего.

Колокол смолк, послышался громкий деревянный стук, и в воротах монастыря приоткрылась калитка. Мгновением спустя она распахнулась нараспашку, и из нее один за другим выбежали два десятка латников – с копьями в руках, с мечами на перевязях, в шлемах и кирасах. Нестройной толпой они ринулись вперед, хорошо видимые в отблесках полыхающего дома...

Настоятель кодаверского монастыря не был дураком, и не был излишне гуманным правителем, готовым любой ценой защитить несчастных сервов. Просто язычники с восточного берега совершали точно такой же набег пять лет назад, семь лет назад, десять лет назад. Они приплывали разбойничать каждые три-четыре года – со скуки, по жадности, а иногда и просто спьяну. Два-три десятка дурных необученных дикарей, размахивающих ржавыми мечами – чтобы спугнуть их, а частью и перебить всегда вполне хватало маленького монастырского гарнизона. И настоятель никак не мог предположить, что на этот раз набегом руководит опытный воевода, не вылезавший из сражений последние пять лет.

– Огонь! – Росин нажал спусковую скобу, и тлеющий фитиль уткнулся в запальное отверстие. Секундой спустя мушкетон оглушительно грохнул и больно ткнул его в плечо, едва не опрокинув на спину. Пространство впереди заволочло густым белым дымом. Костя отступил, выставив оружие перед собой и с напряжением вглядываясь в молочную пелену.

Готовясь к походу, они с ребятами насадили на стволы трофейных мушкетонов самодельные трехгранные штыки, и теперь, даже разряженные, доисторические

ружья представляли из себя грозное оружие.

Как назло, ветер стих, и дым медленно, очень медленно расползлся, смешиваясь с редким предутренним туманом. Когда на поляне развиднелось, стали различимы скрюченные тела монастырской дружины, частью искалеченные крупнокалиберным жребием, частью посеченные стрелами. Видать, засевшие с другой стороны бояре успели добить стрелами тех, кто уцелел после близкого залпа пятнадцати мушкетеров, и назад к спасительным воротам не успел добежать никто. Если там находилась Юля со своим хахалем – пять-шесть человек они вдвоем могли выбить за минуту.

Зализа, ничуть не таясь, выбрался из кустарника, и остановился спиной к воротам:

– Константин Алексеевич, не присмотришь до утра за монастырем? Там еще воев пять сидеть осталось, как бы не сбежали.

– Отчего не присмотреть, Семен Прокофьевич? – так же выступил из-за укрытия Росин. – Присмотрю.

– Благодарствую, боярин, – кивнул опричник и торопливо зашагал в сторону разграбляемого поселка, откуда которого все реже доносился жалобный скулеж и мычание, и все чаще – человеческие вопли.

Росин опустил мушкетон прикладом на землю, выдернул из-под ствола шомпол, прошелся внутри ствола засаженным на кончик толстой палки ершиком, удаляя остатки недогоревших и, упаси Боже, еще тлеющих частиц. Потом вынул из кармашка перевязи бумажный патрон, скусил перетянутый ниткой кончик, высыпал порох в ствол. Потом втиснул внутрь заряд прямо в бумаге, хорошенько прибил его ко дну ровным краем шомпола, сыпанул из острого носика пороховницы затравочного состава в запальное отверстие и на полку. Теперь из мушкетона можно стрелять снова. Костя Росин присел на землю и положил оружие к себе на колени.

Вскоре, устав торчать в кустах, к нему подошел и уселся рядом худощавый Сережа Малохин, потом краснолицый Игорь Картышев, невысокий и упитанный Миша Архин, кучерявый Алексей – и вскоре перед окнами монастыря сидело, небрежно направив двадцатимиллиметровые кованые стволы в сторону узких

окон, полтора десятка стрелков.

Трудно понять, какое впечатление произвело на монахов это зрелище – но никаких признаков жизни божий храм больше не подавал.

* * *

Сассуквере отделяет от Кодавера всего полторы версты, а потому колокольный звон прозвучал здесь так же громко, как рядом с монастырем. Сонные обитатели рыбацкой деревушки в четыре двора выбрались из домов, вглядываясь в далекое зарево.

– Пожар... – высказал вслух общую мысль Кунт, сын сгинувшего в зимнем походе Бронеслава. – Видать, у кого-то уголь из печи выскочил.

Бесславный поход сына великого магистра унес с собой в небытие не только глав трех поселковых семей, но и всех трех лошадей деревни, а потому мчаться помогать соседям бороться с огнем было просто неначем – не пешком же бежать в такую даль!

– Интересно, чей бы это дом мог быть? – прокашлялся в кулак дед Акакий, отец пропавшего зимой вместе с остальными Харитона. – Как бы тепло на дворе-то. Пошто топили?

Помявшись немного на улице, жители стали разбредаться – назад, к еще теплым постелям. До рассвета еще оставалось время, и каждому хотелось немного отдохнуть перед тяжелым новым днем.

По счастью, для рыбака крепкая лодка значит куда более хорошего коня, а потому с исчезновением небольшого местного табуна жизнь в Сассуквере не рухнула. У Бронеслава успело подрасти двое сыновей, уже умеющих поднять парус и выпростать за борт сеть, у Харитона в доме жил отец – еще крепкий старик. Тяжелее пришлось Калине, совсем еще юной вдове Прослава, оставшейся с двумя малыми девчонками на руках. Она за ради пропитания продала весной мужнины снасти и кое-какой инструмент, но одной продажей долго не протянешь. Впрочем, на красивую бабу, да с еще крепким хозяйством, уже заглядывались соседские мужики, иногда предлагая то поправить забор, то

перестелить кровлю. Так что, и для нее жизнь могла перемениться в лучшую сторону. Посему деревеньку нищающей назвать никак было нельзя – трудом рук человеческих, потом их она продолжала крепнуть не смотря на тяжелую потерю.

Колокольный гул вскоре стих, над окрестностями монастыря пронесся весенний гром слитного залпа – но рыбацкий поселок уже успел сонно затихнуть, и только собаки никак не успокаивались, заходя звонким лаем.

– Нас то чего Семен Прокофьевич отослал? – недовольно буркнул один из подходящих к поселку рыбаков. Кольчуга его была порвана в нескольких местах, а потому не одета поверх кожаной куртки, а пришита к ней толстой суровой ниткой. За поясом красовался большой плотницкий топор. – Мужики, небось, уже полные баркасы набили.

– Не бойтесь, на всех хватит, – оглянулся на них проводник. – Вон тот дом, что второй от берега, мой, а остальные ваши.

Разглядев в предрассветных лучах нетронутое селение, охотники повеселели и устремились вперед, вытаскивая из-за поясов топоры и обнажая мечи.

Прослав присел, просунул руку под калитку и сдвинул нижнюю, потайную щеколду, закрывавшуюся на ночь, толкнул калитку и отпихнул напрыгнувшего с радостным визгом пса.

– Не до тебя, Черныш, – и он захохотал кулаками в дверь бревенчатой избы, показавшейся после русской, подаренной боярином Батовым, удивительно крохотной.

– Что там, кто?

– Открывай, Калина!

Послышался стук, дверь распахнулась, и простоволосая баба в одной рубашке с накинутым на плечи сатиновым платком кинулась ему на шею:

– Прослав! Прославушка мой! Живой, вернулся, вернулся родненький, вернулся... – по щекам ее текли крупные горячие слезы, капающие на порог,

обжигающие его лицо.

- Дети дома? Коня не покупала? – на мгновение обняв жену, торопливо спросил вернувшийся хозяин.

- Начетник замковый надел наш отобрал, – прижав к губам кулаки и хлюпая носом пожаловалась женщина. – Сказал, коли некому и не на чем пахать, то и земля ни к чему. А меня в ягодник на работы назначил... четыре дня в неделю...

- Скотину не забила?

- Ой, что же это я? – всплеснула руками хозяйка. – Входи же, входи! Милый мой, вернулся...

- Так есть скотина на дворе, или нет?! – рявкнул Прослав.

Со стороны послышался громкий треск, тревожный вскрик, и неизбежно сопровождающий человеческие схватки жалобный вой получивших тяжелые раны собак. Зашлась в крике ужаса какая-то женщина.

- Что там? – испуганно схватила Калина воскресшего мужа за руки.

- Скотина есть во дворе?... – зарычал Прослав.

- Две свиньи, козы, гуси, кур десяток... Черныш еще... – хозяйка испуганно прислушивалась к происходящему вокруг.

- Это хорошо, – с облегчением кивнул Прослав. – Не пропадет. Вещи собирай. Детей, рухлядь, вещи – все. Детей поднимай.

- Что это? – женщина впервые увидела чекан за поясом мужа. – Откуда?

- Просыпайся, Калина! – затряс Прослав жену за плечи. – Очнись, дура! Собирайся, мы уезжаем! У меня дом на Руси, земля, пашня! Я в закупе, я свободный серв! Скорее!

– Господи, святы, – испуганно перекрестилась она. – Не может быть?!

– Баба! – в сердцах сплюнул муж, отпихнул хозяйку в сторону и ринулся в дом. Подбежал к составленным вместе лавкам, на которых, укрытые красивым лоскутным одеялом, непонятливо хлопали глазами малышки примерно пяти и четырех лет. Прослав наклонился, торопливо поцеловал одну, другую. – Девочки мои... Поднимайтесь, вы уезжаете с папой.

Он встал на приступку печи, провел рукой под потолком и сжал в кулаке несколько холодных монет.

– Эти целы... – он повернулся к одергивающей на плечах платок жене, сунул деньги ей: – На, за щеку спрячь, а то мне дальше идти! Да одевайся же ты, дура! Детей одень! Вещи к лойме тащи! Ну!

Он метнулся на двор, распахнул двери сарая, выгнал на свет коз и свиней, потом кинулся назад в дом, хватанул в углу кадушку, воду выплеснул на пол, внутрь кинул топор, висящее на стене тряпье, сбегал и приволок несколько ребристых скоб, сыпанул сверху гвоздей, сбил с рукояти и приткнул сбоку длинную, наполовину сточенную косу. Сгреб под мышку разрисованную членами прялку вместе с кипой висящей на зубцах шерсти. Выбежал через ведущую к озеру, к его причалу, калитку...

– Господи ты Боже мой, разорви меня котами!

Лойма, которую восемь месяцев назад, перед ледоставом, он самолично выволакивал на берег, так до сих пор и лежала кверху брюхом у среза воды. Прослав, бросив поклажу на траву, привычно бросился за помощью к соседям.

У харитоновского двора поперек распахнутых ворот лежал, оскалив пасть, его мохнатый Чопик. Дальше, в луже крови, плавал годовалый кабан с разрубленной головой. Окно избы оказалось разорвано, а дверь надрублена и переломана посередине.

Все семейство в одних рубахах стояло посреди избы – дед, харитоновская жена, дочка Христина пятнадцати годков, двое сыновей восьми и десяти лет, и испуганно жмущаяся к матери шестилетняя Липа. Двое из пришедших с набегом охотников рылись в открытом сундуке, а третий, безбородый, сжимая в правой

руке меч, левой с видимым удовольствием щупал покорную Христину.

– Мужики, помогите лойму на воду спустить, – громко попросил Прослав.

Все оглянулись на него.

– Так это ты, тварь?! – неожиданно сообразил дед и, вытянув перед собой руки, кинулся. Однако ветвеннский охотник успел взмахнуть мечом – тяжелый клинок обрушился серву на затылок и на удивление легко, с еле слышным чмоканьем, рассек, войдя на всю ширину лезвия.

– А-а! – женщина, вцепившись ногтями себе в лицо, упала на пол, и на коленях поползла к замертво рухнувшему родичу. Так же жалобно взвыли дети, но стронуться с места не отважились.

– Так можете? – судорожно сглотнув, переспросил Прослав. – Всего-то перекинуть, да к воде десять шагов столкнуть.

– Лоймы? – встrepенулся один из охотников. – У них же лодки есть! Фома, Родион, правда, подмогните. Полонянок возьмите. Да нам тоже лойму присмотрите какую.

– Ну-ка, пошли, – пнул безбородый рыдающую женщину, потом махнул мечом детям: – И вы тоже.

Все вместе они вышли на берег. Охотники – сами рыбаки, толк в лодках знают – одобрительно хмыкнули.

– Калина, сюда! – крикнул Прослав, подступаясь к борту. – Быстрее!

– Не отлынивать! – угрожающе прикрикнул на пленников охотник, убирая меч в ножны. – Ну-ка, взяли!

Широкая лодка дрогнула, начала медленно подниматься.

– Давай, давай... – женщины и дети, не доставая борта, отступили назад, а мужчины, перебирая руками по сиденьям, продолжали толкать. – Ну!

Лодка, соскочив с чурбаков на песок, облегченно скрипнула и ухнулась на днище.

- Теперь вперед!

Люди навалились на лойму, толкая ее к озеру - та на удивление легко заскользила и вскоре закачалась на глубокой воде.

- Калина, к причалу ее подводи! - приказал жене Прослав, и указал охотникам на стоящую у причала лодку Бронеслава, которую сосед сшивал почти пять лет и спустил на воду только в прошлом году. - Эту тоже я беру.

- Почему это? - возмутился безбородый. - Их четыре на всех, а ты хочешь себе две хапнуть!

- Я дальше уйду, а вам воевода хочет монастырь оставить, - походя выдал чужую тайну Прослав.

- Правда?! - обрадовался охотник. Грабить монастырь - это не в нищих мужицких избах шарить. - Тоды ладно. Но тогда ты и девок сам забирай. Семен Прокофьевич ладных девок на свою долю спрашивал. Эта вроде сочная...

Он схватил Христину за волосы и повернул лицом к проводнику.

- Не-ет! - мать стремительно кинулась вперед, и сжала девушку в объятиях. - Не отдам!

- Пусти... - попросил Прослав, с сожалением наблюдая, как оба ветвенских охотника убегают к стоящим поодаль причалам с лодками Харитона и Сарота.

- Нет! Не дам! Не отдам дочку!

- Пусти! - Прослав дернул Христину к себе. - Да отдай, гадина подколотная!

От тупого упрямства соседки он неожиданно озверел, выхватил чекан и саданул ее по голове - правда, не острием или обухом, а боковой стороной. Скулеж

моментально оборвался, и женщина кулем осела на песок. По ушам ударил одновременный детский крик, но Прослав, не обращая на вопли внимания, запустил пятерню девке в волосы и поволок за собой на лодку Бронислава, столкнул на сложенные на дне сети, прыгнул следом. Нашел пеньковый конец какой-то веревки – этого добра в рыбацких суденышках всегда с избытком – торопливо смотал пленнице руки за спиной и наскоро привязал к скамье. С облегчением перевел дух и двинулся назад к дому.

– Христина, Христина! – мчались навстречу харитоновские мальчишки.

Вконец озверевший Прослав саданул одного ногой в живот, второго ударом кулака в ухо смахнул в воду:

– Вон отсюда, щенки! Еще появитесь – утоплю!

Поминутно оглядываясь – как бы братья, оклемавшись, и вправду не освободили пленницу – он заскочил на свой двор, рявкнул на бестолково метящуюся жену:

– Детей в лодку неси, раззява! – а сам погнал в открытую калитку многочисленное стадо.

С загрузкой удалось управиться только когда солнце поднялось уже довольно высоко над горизонтом. В свою лойму он перетащил мотки заготовленных для плетения сетей ниток и поплавки, кухонную посуду, котел и несколько чугунов, кое-какой уцелевший инструмент, покидал скотину, которой пришлось-таки перевязывать ноги. Посадил туда Калину и обеих дочерей. Сундук с накопленным за долгие годы барахлом они перетащили на брониславовскую лодку. Потом он сбегал на соседские дворы – но ветвенские охотники уже успели выгрести оттуда все самое ценное, и ему осталось только несколько глиняных кувшинов, пара небольших чугушков и незамеченная налетчиками пила.

Еще Прославу в лойму приволокли двух девок, брониславовскую и старшую саротовскую – младшую второпях неосторожно зарезали. Все это время у бывшего обитателя Сассуквера на душе было муторно, но вскоре он заметил, что жена его давнего друга и соседа Харитона дышит, а потом начала шевелиться. На сердце отлегло. С чистой совестью Прослав зацепил нос своей лодки с еще не поставленной мачтой к корме новой и крепкой лоймы Бронислава, поднял парус

и двинулся назад, в Кодавер.

Вскоре следом поплыли и ветвенские охотники.

* * *

– Тихо, тихо, заметят! – предупредил, погрозив женщине кулаком, серв и тут же испуганно перекрестился: – Прости Господи за грех сквернословия и злобу в мыслях...

Он отодвинул рукой еловую ветвь, поднырнул под нее и, низко пригибаясь, перебежал прогалинку, присев на кустах шиповника.

В укрытии уже сидело несколько сервов из Кауды и две незнакомых нищенки. Одеты они были довольно однообразно: на мужчинах сапоги из свиной кожи, суконные чулки, выцветшие шерстяные долгополые накидки без рукавов поверх рубах с обтрепанными верхними краями вместо воротников и кожаных чепчиках, похожих на подшлемники; на женщинах – огромное количество юбок, по паре одноцветных платков на плечах, и по одному на голове.

– Ну что, земляки, – шепотом переспросил новоприбывший. – Не молились?

– Молились, – перекрестился один из Каудских мужиков, – но тихо. Сам, видать, благодарствия возносил, без ангела.

– Ангел без молитвы не может, – покачал головой новенький. – Стало быть, еще станет.

Мог ли он, бесправный раб Церкви из Верикелы, всего год назад помыслить, что станет тайком пробираться к замку своего господина, чтобы помолиться рядом, чтобы услышать голос его и его ангела-покровителя?! Нет, год назад он мечтал о том, как встретит раз храмового ключника на узкой тропе, да и выпустит ему кишки на мягкий лесной мох. Мечтал об этом с самого детства, отдавая ему по осени то самолично поднятого с подстилки новорожденного жеребенка, выкормленного до годовалого жеребчика, то ласкового телка. Он до сих пор помнил, сколько пролил горьких слез, когда у него, девятилетнего мальчонки, отбирали для толстого щекастого ключника телочку, с которой от чуть не спал в

обнимку все лето...

Но в последние месяцы дерптского епископа словно подменили. Он с милостью относился ко всем, кому удавалось пробиться к нему с жалобами на управство местных ключников и начетников, запретил продавать за долги мужицких детей и накладывать лишние тяготы. Он научился исцелять больных и увечных, он самолично проводил службы в разных концах епископства. Он снискал на свои земли благословение Господа, и весна прошла без сильных паводков, не снеся ни одного дома или сарая, не потопив скотины и не смыв озимых. И если раньше, требуя подати или вызывая сервов на работы начетники угрожали им штрафами или поркой, то ныне говорили другое: «Не станете честно платить Церкви, господина епископа снимут, и отправят в другой приход». И сервы платили...

Причину таких изменений в правителе приозерных земель все видели еще в одном великом чуде: рядом с епископом начал звучать голос Господень. Такой великий и могучий, что принадлежать мог только ангелу, и никому более. Значит, и вправду простер Бог свою длань над измученным народом, освятив душу его господина.

Присев за кустом, серв снял с плеча холщовую сумку, достал завернутою в нее краюху хлеба, несколько луковиц и печеную брюкву, разломал:

– Не желаете откусать, чем Бог послал? – предложил он, хотя угощения на всех хватить явно не могло. Но Бог велел делиться и здесь, вблизи замка святого дерптского епископа, нарушать его заветы казалось особо тяжким грехом.

– Благодарствуем, сыты, – отказалось большинство людей, и только одна из нищенок вороватым движением схватила ломоть хлеба. Новоприбывший с женой уселись рядом с тряпицей и, кратко помолившись и испросив благословения на скудную трапезу, принялись есть.

Подул легкий ветерок, принесся запах жаркого, и паломники принялись кушать торопливее, совмещая жесткую безвкусную брюкву с приятным ароматом – словно питались в какой-нибудь монастырской трапезной.

День прошел, грядет покой.

О, отец Небесный мой,

Взор на дом наш обрати

И грехи мои прости...

Внезапно пронеслось над зарослями. Сервы поперхнулись едой и торопливо побросали объедки на тряпицу, нищенки упали на колени и принялись неистово креститься, отбивая поклон за поклоном, каудские мужики, наоборот, привстали на цыпочки, пытаюсь рассмотреть среди ветвей замок:

- Молится!

Верю, Ты не будешь строг:

Милосердия залог —

И Господня доброта,

И Святая Кровь Христа...

Снизойди... к моей родне

И ко всем... кто... дорог мне,

Чтобы вся-я-як, велик и мал,

Слову Божьему внимал!

Боли... сердца... у-у-утоли,

Бедных... счастьем надели...

Пусть в покое под луной...

Мир! Уснет! Вослед за мно-о-ой!!!

Дерптскому епископу несказанно понравились гимны, слагаемые в честь нового Бога, и именно их он предпочитал слушать в последние дни. И не просто слушать - а принимать в их исполнении самое активное участие. Голос певицы, начинающей терять контроль над своими эмоциями и своим телом, придавал священным хоралам удивительную эмоциональность и насыщенность.

Инга, обнаженная, полусогнувшись стояла перед окном, ощущая своего господина внутри себя, а его хозяйскую руку у себя в волосах, и мерные толчки

заставляли ее все чаще сбиваться с ритма и забывать слова.

Вечер, свет... звезды в окне!

Семь... пар ангелов при мне...

Двое...

Двое ангелов...

Двое парят в головах!

Двое...

Двое, чтобы усыпить!

Двое... чтобы... пробудить...

Ну, а двое, чтобы мне

Рай небес... раскрыл... во сне...

- М-м... - отпустив волосы, господин епископ опустил руки ей на бедра и резким толчком прижал к чреслам, завершая молитву торжественным аккордом!

- А-а-а! - певица выпрямилась и, повернув голову, нашла своими губами его губы.

- Какое же ты чудо... - правитель обессилено упал в кресло и протянул руку к кубку с белым вином. - Почему тебя не существовало раньше?

- Потому, что я появлюсь только через триста пятьдесят лет, - потянулась, по-кошачьи выгнув спину, выпускница Гнесинки. - Вас к этому времени уже не станет, мой господин.

Она развернулась и кокетливым движением выставила вперед правую ногу.

- Поэтому торопитесь пользоваться тем, что есть.

- Не бойся, я своего не упущу, - улыбнулся хозяин замка. - Оденься, простудишься.

– Я вам не нравлюсь?

– Нравишься, – кивнул господин епископ и пригубил кубок. – Но обнажать тебя мне нравится еще больше.

Теперь, когда на северные земли пришло тепло, стол с резными ножками сместился от камина к высокому, забранному от возможных лазутчиков железными прутьями окну. Правда, несколько густых меховых шкур и три персидских ковра, расстеленные по требованию епископа на полу его залы так и остались на своем месте, а кроме того – в углах помещения и на столе появились пятирожковые ажурные медные подсвечники. Правитель более не любил ютиться в полумраке и не желал экономить на своих глазах.

В дверь вежливо постучали.

– Входи, Йоганн, – разрешил правитель.

Дверь тихонько скрипнула, одна из створок отворилась и служка, высунув от напряжения язык, внес большой поднос с утопающим в розовой, мелко нашинкованной капусте огромным, покрытым сухой коричневой корочкой гусем.

– Вот, господин епископ, – поставил он поднос на стол и с облегчением вытер лоб. – Повар сказал, соли не клал вообще. Сверху натер полынью и майораном, внутри яблоки и виноградные листья, под грудку корень сельдерея с луком добавил, для... для... для...

– Для здоровья, – закончил за него правитель. В новом мире о многих понятиях люди предпочитали вслух не говорить, и эта игра в намеки и недомолвки его очень забавляла.

– Да, мой господин, – с облегчением кивнул служка и потрусил назад к дверям.

– Боже мой, как я проголодалась! – певица сцапала кончиками пальцев щепоть капусты, кинула себе в рот, взяла со стола нож, торопливо отпилила сбоку ломоть гусяного мяса, тоже перекинула в рот, хлебнула вина, отрезала еще кусок.

– Что такое? – удивилась она тому, как хозяин замка укоризненно покачал головой. – Плохо себя веду? Так вилок в этом доме, кажется, не подают!

– Ты ешь так, словно поставила своей целью как можно быстрее набить свое брюхо, – край верхней губы священника брезгливо дернулся. – Неужели тебе совершенно не интересен вкус твоей пищи?

– Просто я очень сильно проголодалась, – Инга не без ехидства уточнила: – От большого количества физических упражнений.

– Идем со мной, смертная! – епископ схватил ее за руку и поволок к камину.

Они вошли в узкую дверь рядом с очагом, спустились по круто закрученной лестнице вниз и оказались в теплом полумраке пыточной камере, освещаемой только красноватыми отблесками теплящихся на двух жаровнях углей.

Инга, которой уже довелось провести здесь в ожидании мук целую ночь, моментально притихла. Но господин епископ повел ее не к опустевшему андреевскому кресту, а к ближайшей стене – благо и стены, и пол подвала были выложены человеческими черепами и выбора у него хватало. Священник положил руку на выбеленные временем кости, пошел вперед, скользя по ним пальцами. Обнаружил то, что хотел, и остановился:

– Ее звали Зарицей, – он нежно погладил лобную кость. – Она была знахаркой, и прожила довольно долгую жизнь. Последние годы Зарица не уходила в лес при набегах соседей, а оставалась на скамеечке. Такая старуха все равно никому была не нужна. Литвины ее не трогали, но когда пришли рыцари, то первым делом перерезали ей горло. А это, – правитель сделал шаг вперед, – это Червеница. Она просто шла по дороге, когда навстречу попался конный отряд. И ее затоптали, чтобы не мешалась. А эту девочку звали Барузда. Когда рыцари захватили Юрьев, ее долго насильовали, а когда надоело, засунули во врата наслаждения горящую головню. Но она умерла не сразу, а только через четыре дня, когда живот распух почти вдвое и весь почернел. А вот эту женщину нашли на чердаке. Когда ее стаскивали вниз, она кусила рыцаря за руку и он вспорол ей живот.

– Зачем, – сглотнула певица. – Зачем мне все это?..

– А что ты сейчас делаешь, Инга? – повернулся к ней епископ.

– Н-ничего, – поежилась девушка, которой мгновенно стало холодно.

– Нет, неправильно, – покачал головой хозяин замка. – Ты дышишь. Ты делаешь то, чего они уже никогда, совсем никогда не смогут сделать. Делаешь то, ради чего их бессмертные душа готовы отказаться от своего бессмысленного бессмертия. Ты можешь пить, способна видеть, умеешь ощущать на себе солнечное тепло или дуновение ветерка, ты умеешь понимать вкус пищи... Ты способна объяснить вот им, – дерптский епископ погладил черепа, – ты способна объяснить, почему, владея таким сокровищем, ты отказываешься пользоваться им?

– Я просто была голодна, – уже в который раз тихо повторила певица.

– Я знаю, – кивнул священник. – Но они не способны даже на чувство голода... Иди, Инга, сейчас я поднимусь следом.

Хозяин замка проводил девушку взглядом, после чего подошел к нюрнбергской деве и несильно стукнул по ней кулаком. Изнутри послышался тихий вскрик.

– Ты жив, алхимик? – перекосил губы епископ. – Значит, тебе опять не повезло.

– Но я... Я...

– Ты пытаешься меня обмануть, – закончил вместо него хозяин. – Письмо твоей красивой и образованной любовнице отправлено почти два месяца назад, а она до сих пор так и не явилась.

– Но я...

– Какая разница, что с тобой? – пожал плечами епископ. – Важно, что со мной. А мне хочется разнообразия. Певица, конечно, хороша, но мне хочется попробовать других женщин. Тоже красивых, но более светских, хорошо воспитанных, образованных.

– Я сказал правду...

– Я тоже всегда говорю правду, и только правду. Мы договаривались, что ты приманишь сюда жену твоего друга из Гапсоля, за что получишь самый роскошный обед и смерть. Женщины до сих пор нет. Если она не появится до завтрашнего вечера, то послезавтра палач снова начнет спрашивать тебя про Мадук. Я лишусь одного удовольствия, зато получу другое. Подумай об этом. Возможно, тебя посетят мудрые мысли...

Правитель приозерных земель снова стукнул кулаком по нюренбергской деве и стремительно поднялся этажом выше, в выстеленный шкурами и коврами зал. Инга сидела в кресле у окна, обнимая обеими руками кубок с вином.

– Что грустишь, прекраснейшая? – хозяин положил руку ей на плечо, а потом, словно невзначай, скользнул ею под вырез камизы, на упругую грудь.

– А что вы все о смерти, да о смерти? – недовольно буркнула девушка.

– Потому, что о ней забывать нельзя, Инга, – епископ опустил в вырез вторую руку. – Потому, что она подстерегает тебя зачастую в самый неожиданный момент. Она может оказаться стрелой врага, ядом в бокале, ты можешь подвернуть ногу и удариться головой о камень, под тобой может взбеситься слон, или ужалить ядовитая змея... Подумай, к тебе вдруг прикоснется ее обсидиановый жезл и ты окажешься перед лицом Создателя. И что ты ему скажешь о последних мгновениях своей жизни? Что ты скучала?

В дверь залы оглушительно забарабанили. Епископ от неожиданности отдернул руки, выпрямился и громко разрешил:

– Входи, Флор!

– Простите, господин епископ, – ворвался начальник охраны и с трудом остановился перед густым персидским ковром с витиеватым черно-бежево-красным узором. – Русские напали на Кодавер!

– Ну и что? – безразлично пожал плечами хозяин замка.

– Вы не понимаете, господин епископ, – загорячился Флор. – Это не просто набег, как всегда. Гонец из Пярсикиви сказывал, слышно, как из пушек палили. Судов

разных полсотни видели. Стало быть, не просто набег. Стало быть, воевать пришли.

– Воевать, это плохо... – поморщился хозяин замка. – Смерть, кровь, голод, страдания. Я не хочу этого переживать.

– Да, господин епископ, – согласно кивнул начальник охраны. – Я уже послал гонцов в окрестные монастыри и вассальным рыцарям. Сегодня к вечеру они соберутся в Дерпте, завтра утром мы двинемся к Кодаверу и уже к вечеру с Божьей помощью скинем язычников назад в озеро.

– Что ж, – кивнул правитель, – это правильное решение.

– Разрешите, я сам поведу рать, – приободрившись, спросил Флор. – Я стану присылать гонцов, как только обнаружу врага, и когда начнется сеча. И, Бог даст, с вестью о победе.

– Хорошо, – кивнул епископ.

– При замке я оставляю Кирилла, Касьяна и Анисима. Они воины опытные, покой ваш оберегут. Привратник еще останется и молодой Антоний на страже.

– Хорошо, – кивнул хозяин.

– Благодарю вас, мой господин, – низко поклонился воин и умчался отдавать насущные распоряжения.

– Вот так, – повернулся правитель приозерных земель к Инге. – Зови смерть, не зови, а она так и норовит до левого плеча дотянуться.

* * *

По селению временами еще проносился изредка отчаянный человеческий вопль, но теперь в большинстве непонимающе хрюкали свиньи, блеяли овцы, мекали козы. Довольные удачным наскоком охотники то и дело пробегали в сторону озера с добычей.

Еще бы! Действуй они как всегда – караульщики из засеки, заметив чужие лодки, успели бы поднять тревогу. Жители, похватав самое ценное и отогнав скотину, скрылись бы за стенами монастыря. И достались бы участникам набега только дурные куры, которых вечно не согнать, да гуси, неизменно улепетывающие к воде, а не наоборот. Ну, прихватили бы что из брошенной хозяевами утвари, зацепили пару неудачников, прозевавших тревогу или на успевших к поселковой цитадели. Вот и все. Да еще и стража монастырская задержаться не дала б. А сейчас... Да: проводник, да хорошая прикидка будущего боя – это самая важная воинская справа, ее уж ничто не заменит. В кои веки в руках лихих охотников оказалась деревня со всеми жителями до единого, со всеми их припасами и схронами, и не взять этого – ну просто грех!

Зализа, держа на всякий случай руку на рукояти сабли, прошел по единственной улице Кодавера к берегу. Местных баб победители сгоняли сюда – частью в одних рубахах, а то и вовсе голышом. Полонянки скулили в полный голос, но опричник прекрасно знал, что никого из них никто не тронул. Ну, разве помяли чуток, потискали, тряпье оборвали – разве есть для любого мужика большее удовольствие, нежели девку оголить, да по белым телесам пятерней съездить? Но на большее времени у грабителей не имелось – во первую очередь любой воин золотишко в захваченном селении смотрит. Во вторую – серебро. В третью – еще чего хорошего из барахла. От полонянок тоже никто не откажется – но это потом, когда добыча выбрана и поделена, когда на больших кострах жаривается несчастная скотина и льется без счета дармовое вино. Вот тогда и бабенку можно у огня разложить, с полонянкой сладкой побаловаться. А коли с этого начинать станешь – без добычи вернешься, всю без тебя выберут.

Так что бабы скулили больше со страху, да со стыда – голые и простоволосые. Присматривали за ними трое мужиков из баженовской судовой рати. Им, в отличии от рыбаков-охотников, лопаты, кадушки да сундуки были ни к чему – на ладью лишнего барахла не сложишь, чтобы потом до дома месяц везти. Морские воины ждали более удобной добычи – поменьше размером, да дороже в цене. Они знали, что добыча такая появится – план набега Зализа с Ильей Анисимовичем обговаривал в мелочах.

– Почто девок на борт не отправите? – кивнул на полон опричник.

– Не на чем, Семен Прокофьевич, – развел руками один из ратников. – Рыбаки прям ополоумели все, до поселка дорвавшись. Не слышат ничего. Своего баркаса у Ильи Анисимовича нет, а ладью к берегу не подвести. Мелко.

– Мелко, мелко... – поморщился Зализа, и неожиданно громко заорал: – Мелкошин, подь сюда! Мелкошин, воевода тебя зовет!

– Да оглохли они все, Семен Прокофьевич, – усмехнулся ратник. – Как тетерева на току.

Зализа сплюнул, спустился к воде, прошелся вдоль покачивающихся на мелководье лодок. Чего на них только не лежало! Горшки, корыта, лавки, вилы... Хотя, с другой стороны – зачем сколачивать лавку самому, коли можно взять готовую?

Солнце уже поднималось над ровной линией горизонта, и от него под ноги государева человека тянулась яркая слепящая лента. День разгорается – время уходит. Зализа недовольно выдернул саблю из ножен, немного поиграл ею на свету, спрятал обратно: где там этот Прослав?! Без проводника в чужих землях – сгинешь могом, и отчего не поймешь.

– Звал, Семен Прокофьевич?

Опричник не без удивления повернулся, и обнаружил деда Мелкошина, прибежавшего-таки на зов.

– Звал, – кивнул Зализа. – Собери своих сельчан, да перевези полонянок на ладью, пока дело не началось.

– Дык, Семен Прокофьевич... – жалобно оглянулся охотник на разоряемый поселок.

– Ты не туда смотри, а меня слушай, – наставительно посоветовал Зализа. – Больше проку будет.

– Ага, – мгновенно понял намек дед. – Счас, соберу.

Он умчался бодрой трусцой, а опричник поднялся к полонянкам.

– Значит, ратники, – поднял он баженовских воинов. – Всех баб нам не взять, так что давайте так. Отводите в сторонку вот эту, эту, эту...

Не обращая внимания на поднявшийся крик – женщины всегда кричат и плачут, хоть замуж, хоть в рабство, хоть в монастырь – Зализа выбрал из полона самых молодых и красивых с виду девок, каковых получилось всего десятка два, а остальных приказал привязать к деревьям: пусть мужики повеселятся, когда разорение закончат. Как раз подошли стрекотовские охотники, которые, плохо скрывая раздражение погнали выбранных пленниц к воде.

– Эй, Мелкошин! – окликнул деда Зализа. – Как с полоном закончите, сосну потолще срубите. Так, чтобы два десятка ратников поднять смогли.

– Сделаем, Семен Прокофьевич! – весело откликнулся тот.

Опричник вышел на один из причалов,[1 - Автор считает нужным напомнить, что осадка новгородской ладьи составляет 2,5 метра, и к обычному рыбацкому причалу она подойти не способна.] выходящих далеко в озеро, присел на выпирающую сваю, с нетерпением вглядываясь вдоль берега, и временами поднимая голову к небу. Долгожданная паруса появились, только когда время стало приближаться к полудню.

– Ну, Прослав, выпороть бы тебя, – с явным облегчением поднялся Зализа. – Ладно! Стало быть, пора. Думаю, таран Мелкошины уже вырубил, а у судовой рати мечи с самого вечера чешутся. Пора.

* * *

– Как думаешь, Сергей, – повернул голову Росин. – Про наш набег в летописях написано?

– Отчего не написано? Раз набежали, то должно быть написано. – Малохин от волнения втягивал щеки, отчего казался еще худощавее. – Напишут, коли не написано. Нужно дело, коли написано.

– Да нет, ты не понял, – поморщился Костя. – Понимаешь, во многих справочниках указано, что на Котлине в начале шестнадцатого века стояла

шведская застава. А когда Петр Первый основывал Кронштадт, то жилья там не было. Получается, что это именно мы шведов в прошлом году выбили? И крепость после этого существовать перестала. Значит, наше существование здесь, наш провал в прошлое уже отражены в учебниках по истории?

– Учебники нам нужны, – согласно кивнул Малохин. – Учебники читать нужно. Всегда пригодится. Никогда не знаешь, когда пригодится. Но пригодится всегда. Поэтому нужно читать. Заранее.

– Понятно...

С подобными вопросами Росин обычно обращался к задумчивому Игорю Картышеву и находил если не ответ, то хотя бы взаимопонимание. Но после того, как дерптский епископ похитил у него племянницу, Игорь как-то потемнел лицом и почти совершенно перестал разговаривать. А Малохин, хотя парень обычно толковый, перед схваткой всегда начинал нервничать и совершенно дурел. В двадцатом веке дурел перед соревнованиями или игровыми поединками, в шестнадцатом – перед схватками. Сам Серега называл это «боевым безумием». Возможно, он и прав – во всяком случае, проигрывал он куда реже, чем выигрывал, а после провала в прошлое все еще жив, но факт остается фактом: в предчувствии стычки разговаривать с ним совершенно невозможно.

– Миша, Архин, а ты как думаешь? – повернулся к другому соседу Росин.

– Я так думаю, историю следовало учить, – хмыкнул упитанными щеками Миша, поднял руку, чтобы поправить волосы, но наткнулся на шлем. – Учить, и поподробнее. Знал бы, что в следующем году случится, пошел бы в оракулы работать. А так, кроме того, что смута в конце века случится, ничего не помню...

– Боярин Константин!

Росин не без облегчения понял, что долгое ожидание закончилось. На ведущую к воротам монастыря тропинку тяжело вышли кряжистые, в толстых кожаных куртках моряки с ладьи купца Баженова и несколько охотников, несущие на толстых жердях неошкуренный сосновый ствол в два обхвата толщиной.

– Подъем, мужики! Запаливай фитили! – председатель клуба первым раздул потухший было в замке льняной фитиль. – Смотреть по окнам монастыря! Где шевеление заметите, стреляйте не раздумывая, после чего мушкетоны пулями заряжайте. Все готовы?

Ратники Баженова, впрочем, на его слова особого внимания не обращали, заноса хвост бревна поперек ворот и метясь комлем в самую середку. Росин с минуту наблюдал за их стараниями, потом спохватился и принялся шарить стволом по окнам. От тяжести левая рука быстро устала, Костя опустил на колено, поставив левую руку на колено другой ноги. Стало заметно легче. Он смотрел по окнам справа налево, потом назад, по крыше, на колокольню, снова по окнам... Лучник!

Палец руки успел отреагировать даже прежде, чем мозг, мушкетон оглушительно грохнул, и Росин увидел, как справа и слева от окна, в котором померещилось шевеление, жребий выбил из стены каменную пыль. Потом вырвавшееся из ствола облако распухло перед глазами и он принялся перезаряжать ствол, закатив на этот раз в него почти пятидесятиграммовую пулю. Послышалось еще несколько выстрелов, гулкой удар. Сквозь рассеявшийся пороховой дым стали видны ратники, отступающие для нового таранного разбега, совершенно невредимые ворота и одинокий охотник, скрючившийся на ковре из подорожников со стрелой в животе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Автор считает нужным напомнить, что осадка новгородской ладьи составляет 2,5 метра, и к обычному рыбацкому причалу она подойти не способна.

Купить: https://tellnovel.com/ru/prozorov_aleksandr/carskaya-dyba

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)